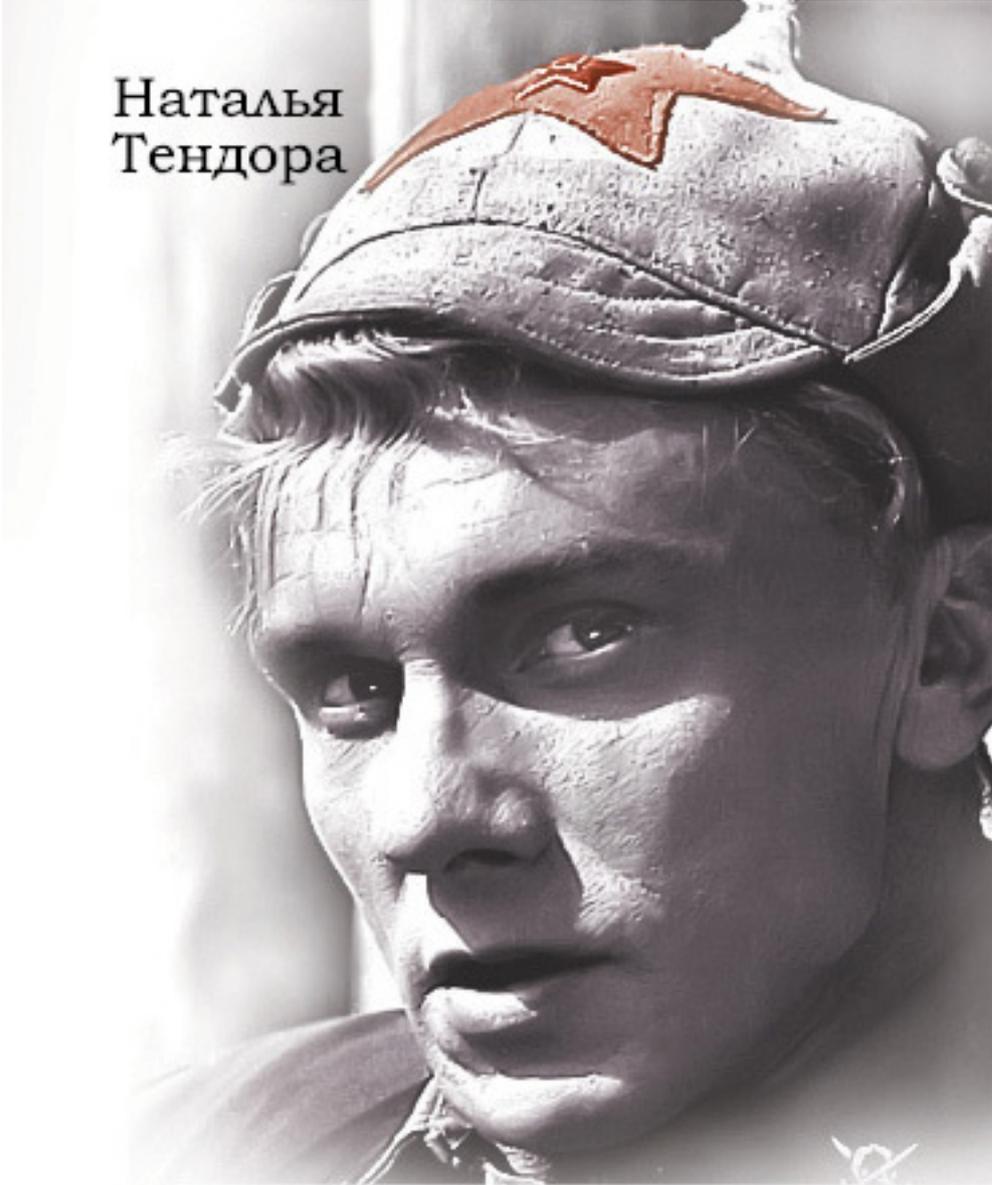

Наталья
Тендора

Георгий
Юматов

Наталья Ярославовна Тендора Георгий Юматов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6374263
Наталья Тендора. Георгий Юматов: Алгоритм; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-39846-1*

Аннотация

Георгий Юматов – неистовая, трагическая личность. Фронтовик, освободитель Вены, обладатель нескольких боевых наград, среди которых очень редкая – медаль Ушакова. Сколько раз судьба на фронте и в мирной жизни дарила ему шанс выжить...

Мечта звала его в море, случайность привела в кино. Известность пришла к актеру в середине 1950-х, когда для миллионов зрителей он стал «своим парнем» и кумиром поколений. На пике популярности с присущим ему героическим романтизмом Георгий Юматов в кино сыграл немало. «Они были первыми», «Разные судьбы», «Рядом с нами», «Очередной рейс», «Жестокость», «Стряпуха», «Один из нас», «Не забудь, станция Луговая», «Офицеры»... Эти и многие другие фильмы сделали его одним из самых знаменитых актеров 60-70-х годов XX века. Последними работами стали роли в дилогии «Петровка, 38» и «Огарева, 6», в многосерийном телефильме «ТАСС уполномочен заявить...», которые также вошли в сокровищницу отечественного кино.

В страшную весть «перестроечных» лет трудно было поверить: любимый артист под следствием, бывший фронтовик застрелил человека. Сам Юматов, попав в «Матросскую тишину», так и не оправился от случившегося. Жизнь его осталась загадкой.

Содержание

Неистовый Жорка	4
Военные университеты	8
С корабля на бал	15
«Молодая гвардия»	19
Предсказание	24
Его муза	26
Пункты родословной	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Наталья Тендора Георгий Юматов

Неистовый Жорка Вместо предисловия

Кто для меня Георгий Юматов?.. Постоянная звездная величина. Эпоха в истории кинематографа. И как для многих его поклонников, – просто один из красивейших и талантливейших самобытных российских актеров. Еще девчонкой я засматривалась фильмами с его участием. Неизменным осталось мое отношение к творчеству артиста и сегодня. Случайно обнаружив одну из картин с Юматовым в сетке телепрограмм, я, не в силах оторваться от экрана, зачарованно досматриваю ее до конца.

Так сложилось, что с Георгием Александровичем Юматовым лично я не встречалась. Зато мне посчастливилось дважды видеть его на сцене в легендарном концерте «Товарищ кино» и даже однажды разговаривать с моим кумиром по телефону. В апреле 1997-го, готовя материал к 15-летию со дня смерти великого актера Бориса Андреева, я обращалась ко всем, кто лично его знал, и позвонила Юматову. И хотя наше интервью на тот момент не могло состояться – Георгий Александрович себя неважно чувствовал и готовился лечь на обследование, он все же обещал встретиться – позже, осенью для большого личного интервью. А в октябре его не стало...

Взявшись за книгу, я старалась максимально правдиво представить уникальнейшую личность Георгия Юматова. В материал порой приходилось вгрызаться, вырывая из каменных объятий небытия неизвестные факты его биографии. Странно, но и люди, хорошо знавшие Юматова, и с трудом найденные его родственники порой путались в изложении тех или иных событий, их воспоминания вступали в противоречия... Так, по крупицам, складывалась мозаика этой яркой и столь неоднозначной судьбы.

Нередко герои интервью на страницах книги друг с другом спорят. Я решила дать им выговориться. Так в книге появились разные версии одного и того же случая или поступка. Хотя сегодня еще живы свидетели тех, в общем-то недавних событий, уже нелегко установить истину – как все было на самом деле. Это знал один только Георгий Александрович.

А мне вновь и вновь, по мере поступления новых сведений, приходилось возвращаться, казалось бы, к уже пройденному. Порой это было похоже на блуждание по заколдованному лесу. Сколько раз уже известные факты подвергались пересмотру...

* * *

О взрывном характере звезды экрана Георгия Юматова ходили легенды. Яркий представитель русской национальной актерской школы, он не только на экране, но и в жизни был разным – мягким и страстным, а чаще, непредсказуемым, взбалмошным и сумасбродным.

«Жора был легковозбудимым, эмоционально подвижным человеком, – вспоминает о нем партнерша по фильму «Разные судьбы» и другим работам, многие годы дружившая с Юматовым и его женой Музой Крепкогорской, актриса Татьяна Конюхова. – Он всегда был готов «рвануть с места». Знаете, как с машиной – сначала первую скорость включают, потом переключают вторую, третью, и она не рвется с места, как оголтелая. Это только пажоны «рывом» запускают движок. От этого портится мотор. Георгий Александрович был именно

такого взрывного характера. На ровном месте мог устроить «извержение вулкана». Никогда нельзя было предугадать, что он сделает в следующую секунду.

Если надо было по роли танк водить или командовать артиллерийским орудием, он «впивался» как клещ, и все трюки на площадке всегда исполнял сам. По сути, его можно назвать человеком-экстримом. Он все время жил на этой грани, проскакивая границу возможного и дозволенного в стремлении к каким-то исполнительским высотам. В нем всегда что-то безумно бушевало, клочкотало... Он был вулканически взрывным человеком».

Именно таким и ворвался герой Юматова на экран. В этого статного красавца невозможно было не влюбиться. Буквально с первого же появления в кино у него появилось огромное количество поклонниц. Его герои легко завораживали девичьи сердца, поскольку отличались крепким внутренним стержнем, естественной природной красотой. И все же, невзирая на успех и гипервостребованность, Юматов на протяжении всей своей звездной жизни был необычайно скромн, честно и искренне служил своей профессии.

«Жора терпеть не мог, когда актеры использовали свою известность, – вспоминает та же Конюхова. – А ведь в актерской среде редко кто может противостоять славе, которую лично я считаю скоропортящимся продуктом. Она захлестывает так, что человек может таких глупостей наделать, что потом уже и не разгребешь... Порой интересно было наблюдать, как к нему все обращались: Жора, Жорик... И только после смерти его стали называть по имени-отчеству...»

На пике своей популярности Георгий Юматов снимался в трех-четыре картины каждый год, что сделало его одним из самых знаменитых актеров. Лихой казак Сашко Козырь, прямолинейный Степан Барабаш, трогательный Степан Огурцов, сердцеед Яша Миловидов, бескомпромиссный Венька Малышев, обаятельный Алексей Каметин, героический Николай Баклан, разухабистый Серафим Чайка, отважный Сергей Бирюков, верный воинскому долгу Алексей Трофимов... Почти все они стали знаковыми образами своего времени, событиями в истории отечественного кинематографа. Казалось, в творчестве для Юматова не было ничего невозможного, настолько легко и убедительно он играл солдат и офицеров, летчиков и матросов, чекистов и милиционеров, рабочих и студентов, шоферов и комбайнеров...

Выразительная мужественная внешность, мощный темперамент и принципиальные волевые качества стали визитной карточкой его героев уже в самом начале творческого пути. Прямой, несколько лукавый, с хитрецей взгляд, добрая и открытая улыбка... Роль Степана Барабаша в картине «Они были первыми» прочно закрепила за актером амплуа героико-романтического плана, и для многих девушек актер на долгие годы стал камертоном абсолютной моральной чистоты, воплощенной мечтой настоящего мужчины.

Кумиру писали со всех уголков огромной страны. Наши бабушки ночи напролет сидели за сочинением (днем они трудились, не покладая рук во славу светлого будущего Родины, а значит, и нас, своих внуков) пространных, полных искреннего обожания, письмах. Признания в любви нескончаемым потоком шли не только на студии, на которых снимался тогда актер, но и прямиком к нему домой.

Порой, не мудрствуя лукаво, послания подписывались лаконично просто: «Москва, Георгию Юматову». И ведь они доходили до адресата! Актер получал письма мешками и просто физически не мог ответить на все, зато знал – его работы в кино не только не остаются незамеченными, но и вызывают бури восторгов в сердцах поклонниц. Это девичье внимание и постоянство, конечно, тешило мужское самолюбие молодого Юматова. И еще забавляло то, как красавица-жена, взяв в руки очередное послание, уморительно дула губки. Ей это было так к лицу!

За внешним проявлением популярности в тени оставалась реальная жизнь актера. О ней мало что знали даже испытанные временем друзья. Вот и в наши дни, когда писалась эта

книга, не только частные события, но и основные факты биографии Юматова мистическим образом оказались за семью печатями.

Даже при его жизни немногие знали, что Георгий Александрович, родившийся 11 марта 1926 года в Москве, еще мальчишкой ушел на фронт. Это обстоятельство закалило характер будущего актера. Жоре было всего девятнадцать лет, когда отгремела война. Празднуя Победу, он еще не знал, что она закончилась для всех, но не для него. А ему суждено еще не раз прожить полную лишений боевую юность, только теперь уже вместе со своими экранными героями. Делал он это как умел – от души, по совести, на полную катушку, не щадя живота своего.

Так и жил Георгий Юматов, как говорится, «за себя, и за того парня», словно чувствуя вину перед погибшими фронтовыми друзьями за то, что выжил, что может дышать полной грудью и радоваться жизни.

Бывший фронтовик, он и в кино отдавал предпочтение героям в форме, не уставая всю жизнь играть русских солдат – в треуголке с плюмажем (Виктор Ермолаев в «Адмирале Ушакове»), в гимнастерке времен Великой Отечественной (тут список ролей огромен, поскольку актер за свою долгую биографию успел «навоеваться» на всех фронтах), в форме советского милиционера... Он играл то, во что верил сам, не позволяя в кадре фальши, предельно естественно и органично вписываясь в предлагаемые режиссером обстоятельства.

Партнеры не раз потом с нескрываемым восхищением признавались, что Юматова невозможно переиграть. Своей энергетикой он буквально «перекрывал» любую, даже самую несостоятельную роль, иногда, таким образом, вытягивая и посредственную драматургию фильма в целом. Зачастую уже одно его имя в титрах считалось бесспорной гарантией успеха. Неслучайно режиссеры так настойчиво старались заполучить его в свои проекты. Если бы не одно «но» – пристрастие актера к алкоголю.

Еще одним минусом среди всех положительных моментов юматовской природы был его характер. Все, знавшие актера отмечают, что эмоции в Юматове превалировали над разумом и перехлестывали все. Об этом, скажем, красноречиво свидетельствует и случай, рассказанный мне актером Вадимом Андреевым, некогда дебютировавшим в молодежной комедии «Баламут» Владимира Рогового, у которого потом они с Юматовым встретились еще в одной картине – «У матросов нет вопросов».

Именно Роговой поставил и тех самых легендарных «Офицеров», где Юматов сыграл одну из лучших своих ролей. Он же рассказал Вадиму и такую историю. Во время работы над картиной между двумя бывшими фронтовиками – режиссером и исполнителем роли Трофимова произошел какой-то принципиальный творческий спор. Причем, ни один, ни другой не собирались уступать. В руках Юматова в тот момент оказалась по роли боевая шашка. Недолго думая, он и припустился за Роговым с криком «Зарублю!» и бежал так в запале с оголенным клинком не менее трех километров.

По словам Рогового, его спасло только то, что он быстро бегал, а то кто знает, чем бы дело кончилось... «Юматов был гениальным артистом, – закончил свой рассказ Вадим Андреев. – Однако по-житейски недалеким, недальновидным, что ли. Не раз приходилось слышать такое выражение: «Гениальным артистам мозги не нужны». Вот и Юматов не был актером-интеллектуалом – он играл и жил сердцем, но был богом данным актером».

Несмотря на достаточное количество больших, удачно сыгранных ролей, популярность и всенародную любовь, Георгия Александровича Юматова удостоили звания «Народный артист РСФСР» только в 1982 году. Во многом этому способствовала роль полковника милиции Садчикова в фильмах «Петровка, 38» и «Огарева, 6» по произведениям Юлиана Семенова.

На экраны эти картины вышли в начале 80-х. Убедительно и правдоподобно сыграл он отважного, честного, беззаветно преданного своему делу стража правопорядка. Меня-

лось время, таких полковников в милиции становилось все меньше. Это прекрасно понимал актер. Добавив собственного обаяния, Юматов сделал Садчикова более привлекательным, чем задумывалось создателями дилогии. Очень человечной и забавной стала и такая точно найденная актерская красочка – заикание. Даже хорошо знавшие актера коллеги все-таки стали подумывать о том, что Юматов и впрямь обзавелся навязчивым недугом.

До конца жизни актер в душе оставался все тем же заводным и неутомимым романтиком и максималистом. Однако время неумолимо, и герои Юматова потихоньку покидали экран и жизнь... Незадолго до смерти актеру суждено было личным примером подтвердить одну из самых горьких русских поговорок – «от сумы и от тюрьмы не зарекайся». Он был осужден за «превышение необходимой обороны», но вскоре его амнистировали.

Все это произошло от жуткого одиночества и внутренней неприкаянности. К сожалению, конец судьбы многих кинозвезд весьма печален – артист еще жив и полон сил, а о нем уже забыли, не снимают. Многие становятся «довеском» к собственному прошлому. Недавно киноклассик Альфред Хичкок в конце жизни с горечью бросил в толпу: «Я – море одиночества». Вот и судьба Юматова, как и его ровесников, с честью вынесших на своих плечах не одно тяжкое испытание во имя родины и до глубины души в ходе перестройки оскорбленных, вполне типична для его времени. Она лишь подтверждает точные слова песни из кинофильма «Офицеры»: «От героев былых времен не осталось порой имен...»

Имя Юматова осталось. Оно золотыми буквами вписано как в историю отечественного кинематографа, так и в историю нашей Победы в Великой Отечественной войне.

Военные университеты

Для многих Георгий Юматов – воплощение мужества, отваги и душевной широты. Таким он был не только на экране. За его вымышленными киногероями стояла собственная, удивительная на события, трагическая биография.

С детства Юматов мечтал о море; чтобы попасть на фронт, закончил Московскую объединенную школу Военно-морского флота. После войны его судьба делает неожиданный крутой поворот – красивый, мужественный парень приглянулся кинематографу и навсегда связал с ним свою дальнейшую жизнь.

Каждый человек любит вспоминать детство. Георгий Александрович, как и многие его ровесники-фронтовики, не был исключением – довоенная пора была самым счастливым временем: дворовые компании, дружные соседи по коммуналке, школа на Чистых прудах, рыбалка, катание на коньках...

Как все мальчишки 30-х, воспитанные на героических лентах о подвигах Чапаева и Чкалова, Жорка Юматов тоже мечтал совершить что-то необыкновенное во имя советской Родины и счастья на земле. Вскоре это обрело вполне реальные очертания – Жорка начал грезить о море: о трудовых подвигах моряков и девятых валах... С прицелом на флотскую карьеру парнишка всерьез взялся за учебу, но вскоре непоседливый характер взял свое, и он вновь поостыл к этому трудоемкому делу. Стал привычно гонять с мальчишками во дворе футбол...

Он и не подозревал, что подвиги от него никуда не уйдут, а закалка, полученная в результате занятий боксом, гимнастикой и легкой атлетикой, еще не раз пригодится – сначала на фронте, а затем и в кино. А пока крепкими мускулами он гордился больше, чем школьными оценками. Одно время, чтобы набрать мышечную массу, Жорка даже подрабатывал грузчиком в магазин, благо мама работала в нем кассиршей и устроила сыну подобную «подработку» ей не составляло особого труда.

Племянник актера Алексей Константинович Юматов утверждает, что у Георгия было всего лишь шесть классов образования, и к 41-му году со школой он уже «завязал»: «Двоечник, водился со шпаной... Поступить куда-нибудь на работу был еще слишком молод. Жору и отец пытался пристроить на работу, и родственники, но он нигде долго не задерживался...» Справка же, полученная мною в РГАЛИ (Российском государственном архиве литературы и искусства) свидетельствует о другом. О том, что в школе Юматов учился до 1943 года. Точно же установить – кто прав, уже не предоставляется возможным.

Когда началась война, юные москвичи, наравне со взрослыми, трудились на военных заводах, ездили на лесозаготовки, рыли окопы и всеми силами старались попасть на фронт. Сбежал и Юматов, когда узнал о ранении брата Константина. «6 марта 43-го года моего отца так сильно ранили, что он чуть не погиб, и пришла повестка, – рассказывает Алексей Константинович Юматов. – Мама отца и Жоры как раз уехала в Кострому на роды дочери Тани, а Жора с отцом остались одни. Ему всего семнадцать, отец больной... Когда пришел документ о ранении брата, дядя Жора к тому времени уже два года как не учился в школе. Узнал в военкомате, что можно пойти учиться на юнгу и добился, чтобы его взяли в матросскую школу...»

Это был май 1943 года. На Ярославском шоссе создается Московская объединенная школа Военно-морского флота, которая набирает добровольцев – 16-17-летних мальчишек, еще не подлежащих призыву в армию. Даже в первые дни войны, наиболее трудное и напряженное для страны время, для службы на флоте отбирали самых крепких, волевых и выносливых. Особенно жесткие требования предъявляли к морякам на торпедные и бронекатера, куда и попал Юматов, поскольку по условиям службы и в зной, и в лютую стужу экипаж

находится в мокрой форме под открытым небом. Несмотря на это, Жора с легкостью прошел отбор.

Алексей Юматов: «Ему даже не пришлось приписывать себе годы, поскольку в 17 лет уже можно было пойти в учебку... Ему не исполнилось еще 18-ти, когда он ее закончил. Так он попал рулевым-сигнальщиком в Керченскую бригаду бронекатеров Черноморского флота. Дунайская флотилия еще не была организована. Она появилась лишь в 44-м году. К тому времени Юматову было уже восемнадцать, и он был хорошо обученным матросом».

И опять архивная справка, выданная мне в РГАЛИ, где нашлось наконец двухтомное личное дело Георгия Юматова, заведенное в Театре-студии киноактера с его слов, свидетельствует о другом: Юматов окончил школу, в которой учился с 1932 года, в 1943 году. И в том же году ушел добровольцем на фронт. Вопрос только – когда он успел выучиться на юнгу? Или то были курсы-«скороспелки», повсеместно практиковавшиеся в годы войны? Вспомним ту же школу летчиков, которую герой Леонида Быкова капитан Титаренко из легендарного фильма «В бой идут одни старики» небрежно окрестил «взлет-посадка».

В дружном курсантском коллективе из двух рот (а это около 500 человек) пришлось сразу забыть мирные привычки и такие понятия, как «не могу», «не буду»... Караулы, наряды, учебные вахты и напряженная учеба без скидок на возраст готовили радистов, штурманских электриков, минеров и сигнальщиков. Среди одноклассников Георгия Юматова были: Николай Ермаков, Михаил Шапошников, Вячеслав Федоров, Владимир Корнеев, Леонид Евстигнеев, Николай Борисов, Александр Бардин и Владимир Миляев (последний не так давно рассказал о днях учебы и своем знаменитом сокурснике в газете «Красная звезда»). Со слов Юматова он знал, что, попав на фронт, тот сначала «ходил» юнгой на торпедном катере «Отважный», потом был рулевым и сигнальщиком на других торпедных и бронекатерах...

И по сей день у ветерана Великой Отечественной войны Владимира Михайловича Миляева хранится дорогая сердцу фотография, на которой безусые моряки в бескозырках, выпускники 1943 года, улыбаются в объектив фотоаппарата перед отправкой на фронт. Третий слева – тогда еще неизвестный стране, будущий народный артист Российской Федерации Георгий Юматов.

«Жорка, как мы его называли, – рассказывал фронтовик корреспонденту, – стал сигнальщиком потому, что курс обучения там был короче, а он буквально рвался на фронт. И в конце 1943 года уже воевал в Керченской бригаде бронекатеров». И пусть поначалу бывалые моряки называли выпускников МОШ ВМФ салагами, вскоре новички на деле доказали, чего стоят. Уже после войны Владимир Миляев встретился как-то со своим однокашником Георгием Юматовым, чтобы вспомнить месяцы учебы в школе, свои боевые выходы на море (сам он воевал на Балтике), погибших друзей и то, как мечтали они тогда о долгожданной Победе. Его удивило, с какой легкостью, словно заправский моряк, Юматов и по прошествии лет подробно разбирал и анализировал не только сам ход боевых операций, в которых участвовал, но и детали каждой из них, до мельчайших подробностей... И так определил причину своего выбора: «Я пошел в сигнальщики не случайно, мне казалось, что их работа на корабле – одна из самых важных. Сигнальщик – глаза и уши командира, и даже когда от пуль и снарядов не было спасения, стоя на мостике, ты должен видеть все на море и на суше...»

Вот что со слов однополчан поведала мне Татьяна Георгиевна Конюхова: «Во время войны, когда Жора безусым юношей служил на флоте, там практиковался морской язык, поскольку еще не было никаких мобильных телефонов, и нужно было, чтобы враги не расшифровали посланий... Сигнальную азбуку – передачу важных сведений одного корабля другому флажками он знал в совершенстве. Жорой был даже поставлен рекорд скорости, с которой он передавал сколько-то там сообщений или знаков в минуту.

Результаты перекрывали все остальные – никто не мог за ним угнаться... Жора был признан сигнальщиком самого высочайшего класса. Юноша, как автомат, воспроизводил

столько знаков сигнальными флажками, что был на вес золота. А вокруг рвались снаряды, шла война... Это на суше есть куда спрятаться – в окоп или яму от какого-нибудь снаряда, а тут вокруг вода... Об этом рассказывали на вечере памяти в ЦДРИ его сослуживцы – адмиралы в золоте эполет и позументов, пришедшие отдать долг памяти другу...»

...Боевой путь юнга Юматова на военном катере начался из маленького городка Ейска на Азовском море, а потом шел через Керчь и Одессу на Дунай, где в судно и попала вражеская торпеда. Друзья-товарищи погибли в волнах, а юному сигнальщику повезло, и он выплыл. И тогда, и в других, казалось бы, безвыходных и опасных ситуациях, судьба словно хранила его для нас, зрителей... Однако мог ли тогда отважный юнга, стоящий на сигнальном мостике под леденящим ветром и шквальным огнем береговых батарей, хотя бы на миг представить, что вскоре встретится с похожими опасностями в мирной киножизни...

Разглядывая пожелтевшие военные фотографии актера, на которых он – безусый круглолицый паренек в бескозырке с надписью на ленточке «Черноморский Флот», трудно даже вообразить, сколько бед и испытаний выпало на его долю. В этих случаях на помощь актеру приходили закаленный в боях, неукротимый, прямой и решительный нрав, ясная жизненная позиция, правильное представление о чести и справедливости...

Говорят, люди ко многому привыкают, в том числе и к ежедневному риску. С этим спорить трудно... Их называли «смертниками» – тех, кто служил на торпедных катерах, каждый выход в море мог оказаться для них последним. К тому же, за плечами Георгия Юматова десятки штыковых атак, ведь в одну из задач бронекатеров входила и доставка десанта в тыл врага...

Юнга не только выжил, но и прославился своей храбростью. Под ним утонуло три боевых катера, он трижды был тяжело ранен и контужен, получил сильное обморожение рук, и, как следствие, – на морозе кисти у него теряли чувствительность. Кроме того, на одном пальце было повреждено сухожилие... Со слов Юматова, его друг, актер Юрий Назаров, рассказал мне такой случай: «Стою как-то за штурвалом. Вроде ничего и не заметил. И вдруг смотрю – по лбу течет кровь... Пуля прямо наизлет прошла, немного не дойдя до кости...»

Не обошлось в документах храброго вояки и без «приписок» – в документы тех лет, написанные от руки, частенько прокрадывались ошибки. Так, знаю, моя бабушка Мария Павловна, круглая сирота, потерявшая в годы голода всю свою многочисленную семью, тоже приписала себе пару лет, чтобы пораньше выйти на работу... Вот и Георгий Юматов на фронте, после того, как под ним затонул очередной катер, а стало быть, с ним и все документы, не только приписал себе два лишних года (став, таким образом, 1924 года рождения), но и два года пребывания на фронте – записав себя с 41-го, хотя попал туда, как мы знаем, лишь в 1943 году. Заодно «напортачил» он и с профессией, записав себя в слесари-механики, хотя таковым никогда не являлся.

Со всем перечисленным я ознакомилась в «Книжке краснофлотца», бережно хранящейся в семье артиста. Жаль, что в архиве Госфильмофонда, где имеются боевые воспоминания актера, чиновничьи проволочки не позволили мне с ними ознакомиться...

Юматов ни разу не сошел на берег, чтобы подлечиться в госпитале, исключение – венская операция, после которой без медицинской помощи было просто не обойтись. Моряки большей частью лечились прямо на корабле. Кстати, именно из-за того, что в его военном билете не было никаких пометок о ранениях, артист и получал столь мизерную пенсию, которой порой не хватало даже на лекарства...

Так, несмотря на награды и звания, звезда экрана, пока не было ролей, бедствовал, но хлопотать за себя не шел. И тогда его однокурсник по морской школе старшина 2-й статьи и флагманский радист Владимир Миляев, награжденный за боевые заслуги, как и Юматов, медалью Ушакова, пришел ему на помощь и, обойдя немало чиновничьих кабинетов, добился-таки для друга пересмотра оскорбительной для героя пенсии.

Кирилл Столяров: «Он был очень скромным человеком. Дважды я делал программы на ТВ с участием Георгия, и каждый раз просил его надеть боевые награды, в том числе и знаменитую матросскую медаль Ушакова. Оба раза Юматов говорил, что забыл надеть награду.

Он не любил говорить о войне и только однажды был вынужден рассказать о своих боевых подвигах, когда пришел в профком Театра-студии киноактера подписать характеристику для поездки в Вену. По-моему, это был 1985 год. Венский магистрат прислал приглашение последним оставшимся героям войны, тем, кто спас Вену.

Приглашают с супругами на праздник Победы, а Георгию не подписывают бумагу... Я спрашиваю: «Почему?» – «Ну, они думают, что я могу что-нибудь наговорить». – «Ну а когда ты штурмовал Вену, от тебя требовали какую-то характеристику?» – «Нет, тогда ведь другое время было...»

Я поинтересовался: почему же в Вене и Австрии его считают национальным героем? И вот тогда он впервые рассказал мне про войну: «Мы шли на бронекатерах. Прошли Румынию, Венгрию... Это был уже апрель, конец войны – венская операция. Подходим к последнему мосту, все мосты через Вену взорваны... Туман... Авиация «не работает»...

Мы уткнулись носом в бык, то есть встали посередине моста, по которому в это время отступала танковая дивизия СС «Мертвая голова». Оба берега у немцев. Причалили, матросы забросили «кошки» и по канатам забрались туда. Мальчишки по девятнадцать-двадцать лет, самому старшему, по-моему, было лет двадцать пять. Пробрались туда, взяли гранаты-связки и под танки! Паника... Переполох... Радист успел на катере отстучать: «Матросы захватили мост». И наши в этот туман бросили десант и захватили мост полностью. Таким образом, была взята Вена...

Пока длилась операция по захвату моста, немцы пришли в себя. Когда они сообразили, что нас там всего человек 15, всех перебили. Оставшиеся в живых были очень сильно искалечены. Выжило всего двое или трое, меня отправили в госпиталь. Привезли, положили на операционный стол, хирург одел маску-наркоз и говорит: «Считай до десяти». Я считаю... и ничего. До двадцати, до ста – тот же эффект... Хирург очень удивился, снял маску, понюхал и приказал: «Ну-ка дайте ему стакан спирта!..»

От этой венской операции у 19-летнего Георгия Юматова и остались на теле страшные шрамы – от осколков и пуль, да еще травма черепа. Зашивали голову, спину и плечо нитками, по живому. Даже чтобы перенести подобное, требовалось настоящее мужество...

Актер Юрий Назаров: «Потому-то Юматов так легко и завоевал впоследствии советский экран, стал его героем, что все, о чем он рассказывал, хорошо знал сам. Он это ТАМ видел, и ЭТО принес в кино. Об ЭТОМ – «Офицеры», «Жестокость», «Адмирал Ушаков», «Один из нас». Была у актера и медаль Ушакова за номером 6, которая давалась только морякам «за личный подвиг». Впоследствии судьба так распорядилась, что Юматов сыграл в кино и воспитанника Ушакова. Это тоже так просто не бывает...»

Надо сказать, что медаль Ушакова учреждена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1944 года. Всего ею награждено более 13 тысяч человек. Эта редкая флотская награда соответствует сухопутной медали «За отвагу» и предназначалась для награждения матросов, старшин, солдат и сержантов флота. Были и отдельные случаи награждения ею офицеров, что являлось высшим признанием личной храбрости командира. Медаль Ушакова настолько редко вручается личному составу ВМФ, что приравнивается к ордену. Носится она на левой стороне груди с другими медалями.

«Жора рассказывал, – продолжает Юрий Назаров, – было такое дело... шли матросы, воевали... А по Дунаю то трупы плывут, то лошади убитые... Грязь... Нефть горит... Воду пить нельзя. Ну, что там матросу надо? Причалили к какому-то городку, к берегу, залили в баки для пресной воды вина... – вот и вся радость. Ну, естественно, выпили...»

Уже после смерти Георгия Юматова от боевых товарищей коллеги-артисты узнали, что он на фронте был представлен к званию Героя Советского Союза.

Татьяна Конохова: «Ударом в сердце было появление адмиралов, которые пришли на вечер памяти и рассказали о героизме 17-летнего юноши в годы Великой Отечественной войны. Тогда я впервые узнала, что Жора был «приговорен», как я выражаюсь, к званию Героя Советского Союза, но что-то там, как всегда, набедокурил – у него случился какой-то срыв, и наградные завернули... Это было горько слышать. Но, тем не менее, все о нем говорили как о настоящем герое. Даже по прошествии стольких лет однополчане считали его достойным этого высокого звания. Во время войны добиваться справедливости, стучать кулаками по столу, требовать пересмотра дела, было недосуг, потом некогда, а после его смерти... уже, по сути, и некому».

Тамара Семина: «Говорят, наградные вернулись. Наверху решили, что он слишком мал, чтобы получить Героя. А что вытворял этот малыш на фронте? Просто чудеса героизма – только держись! А звание Героя, тем не менее, прошло мимо... Сам Жора ничего не рассказывал о том. Такие ничего и не рассказывают, это те, кто ничего не делал и не воевал – те наговoryт...»

Алексей Юматов: «Сначала наград как таковых и не было. С фронта он пришел с одной медалью – Ушакова, которой он очень гордился (вообще он был скромным человеком и своими подвигами не кичился). Остальные боевые медали получил уже потом – «За Вену» «За Будапешт»...» Когда я поинтересовалась у него, что он знает о представлении Юматова к званию Героя Советского Союза, то услышала, что, скорее всего, это просто легенда...

«Юматов никогда не забывал о тех людях, которые погибли, – говорит Кирилл Столяров. – Мы приезжаем в Керчь... Оттуда на лодочке плывем, чтобы спустить на воду венки погибшим ребятам. Он ничего не рассказывал об этом, а просто молча исполнял ритуал: «Это мои друзья. Они за меня легли, а я остался жив, и я перед ними виноват...» Вот это в Георгии всегда чувствовалось, и я это тоже ощущал».

И пусть ранения и полученная контузия навсегда поставили крест на карьере морского офицера, на экране его герои продолжали мечтать о море: знатный токарь Яша Миловидов из картины «Рядом с нами» хотел уехать работать на Кавказ, поближе к морю... В историко-биографической диалогии «Адмирал Ушаков» и «Корабли штурмуют бастионы» актеру представился счастливый случай – сыграть любимого ученика легендарного флотоводца, Виктора Ермолаева...

Встречаются в фильмографии любимого артиста и картины с явно морскими названиями – «Шторм», «Внимание, цунами!», «Если есть паруса». В ранней ленте «В мирные дни» герой Юматова – матрос, кок Сергей Куракин служит на подлодке. Интересно, что здесь бывшему фронтовику достался явно не героический персонаж. Мужественные роли играли его приятели по «Молодой гвардии» – Сергей Гурзо и Вячеслав Тихонов. Его же кок, слабый не только духом, но и легкими, первым сдается, когда на корабле, вследствие аварии начинается нехватка кислорода...

Зато Николай Баклан из фильма «Трое суток после бессмертия» – настоящий, обветренный ветрами «морской волк», героический защитник Севастополя от немецко-фашистских захватчиков, гибнет, спасая товарищей. Именно в этом фильме Юматов исполняет ставший хрестоматийным «смертельный танец», отвлекая врагов от побега товарищей, за что платит жизнью...

Частенько в картинах с Юматовым встречаются и закамуфлированные «приветы» несостоявшейся профессии – многие его герои любят носить тельняшки, как, скажем, Серафим Чайка из «Стряпухи». Провидению было угодно, чтобы и в последней ленте «Транзит для дьявола» актер сыграл шкипера Федю Кузина. Она вышла на экраны уже после его смерти – в 1999 году. Появление этого фильма – отдельная история, о ней чуть позже.

Немало в послужном списке актера и бывших фронтовиков. Юматов никогда не отказывался от эпизодов, если они казались ему по-настоящему интересными. Так, в фильме режиссера Бунеева «Последняя встреча» у него небольшая роль человека сложной судьбы, пережившего войну, прошедшего Освенцим, Майданек. В фильме «Горожане» встретились два фронтовика – Николай Крючков, играющий шофера такси, и Георгий Юматов, водитель троллейбуса. За плечами его героя большая, насыщенная жизнь, прожитая по-юматовски азартно и ярко...

Однажды на фронте с Юматовым произошла интересная мистическая история, которую на разные лады так любят рассказывать все, кто хорошо знал актера...

Писатель Борис Васильев:

«Свою войну Жора начал на Черноморском флоте, на торпедном катере, в Керчи. И там собака была, какой-то щенок. И проверяющий нагрязнул: «Что, еще и собака?..» И швырнул ее за борт. А у Жоры как раз в руках была миска, из которой он кормил щенка, и он запустил ее в морду проверяющему. Тот упал. А Жора бросился в воду... Вытащил собаку и где-то там на берегу устроился – смотрит: что будет дальше?..

Тот заорал, когда он его ударил...

Выбежал капитан:

– В чем дело?

– Ваш юнга меня ударил!

– Простите, у меня нет юнги, на таком корабле он по штату не положен.

– Так он же меня...

– Я не знаю, кто вас ударил...

И это его спасло».

А эта собака вскоре спасла жизнь и самому хозяину. В один из дней 1943 года бронекатер, на котором служил Юматов, неожиданно атаковали вражеские самолеты. Бомбы ложились все ближе и ближе... В какой-то момент лохматая дворняга, которую против всех правил воинского устава приютил и прикормил юнга, прыгнула за борт. А за ней, спасая собаку, и Юматов...

Виктор Мережко: «Юматов ринулся в воду спасать собаку, и в этот момент немецкий снаряд попадает прямо в катер и разламывает его пополам! Все погибают, кроме него...» Стоит ли удивляться, что всю жизнь потом Георгий Александрович считал себя в долгу перед братьями нашими меньшими...

Алексей Юматов: «Помню он рассказывал, как нырнул вслед за собачкой, остался жив, но утонули все его документы... Да, моряки были расходным материалом – кто их там жалел... Катер – это тот же танк, фактически рассчитанный на один бой. Поэтому вполне возможно, что под ним много катеров раздолбали. А вот ему здорово везло. Насчет рукопашных, о которых он рассказывал... Отец воевал на фронте с 1941-го по 1943-й и участвовал в боях под Москвой. Он относился ко всему скептически: «Это он врет! Такого не бывает...»

Если брать рукопашную за венский мост, где он сражался, так ведь то была не рукопашная... Были танки, с которыми в рукопашную не пойдешь. Была команда взорвать этот мост. Немцы десант перебили, послали танки... Два танка, какие там по городу могут ездить – не «тигры», а «фердинанды» какие-нибудь... Они и их уничтожили. Пехоту не посылали. Зачем? Мост нужно было просто взорвать. Начали бить артиллерией... Однако это не тот случай, и мост лишь немного повредили. Его-то отстояли, а рукопашных никаких и не было...

Я не могла его не спросить: «Но ведь рассказывали, что к мосту не могли подобраться, и в тумане бронекатеру, на котором как раз и служил Юматов, удалось подойти к нему вплотную?»

«Да, да... именно так. Все это знаю со слов отца. Первоначальный рассказ предназначался не мне, тогда пацану, а отцу, ему все это дядя Жора и рассказывал... И еще дядя Коля такой был, бабушкин брат младший (значит, Георгию Юматову он приходился дядей. – *Н.Т.*). Он тоже слушал все эти рассказы о подвигах племянника. С самими этими матросами я не разговаривал. Видел только один раз, на дне рождения. Ну, что я там буду к ним подходить – они – герои, морские волки, а я – двадцатилетний парень.

А то, что дядя Жора по молодости рассказывал... Вы понимаете – парню 19 лет, хочется чувствовать себя героем... А пришел он на экран прямо с корабля на бал. В августе 45-го демобилизовался по ранению, даже не демобилизовался, а пришел в отпуск, а в сентябре уже был на «Мосфильме!»»

С корабля на бал

Кончилась война. Героический морячок, преисполненный самых радужных надежд на счастливое будущее, вернулся в родную Москву. Впереди его ждала спокойная мирная жизнь. В победном 45-м Георгию Юматову едва исполнилось девятнадцать. Он оказался перед выбором – чем заняться, какую профессию избрать?

Несколько лет после окончания войны молодым защитникам Отечества государство давало привилегию – без конкурса попробовать свои силы при поступлении в любое высшее учебное заведение страны. То был хороший шанс. Неизвестно откуда появилась неожиданная мысль стать киноактером, которая целиком и полностью завладела всеми мыслями паренька... И Георгий Юматов поступил на актерский факультет Киношколы при киностудии «Мосфильм». Здесь ему предстояло учиться два года.

Студент Киношколы прекрасно понимал, что актер должен уметь самостоятельно выполнять в кадре любые каскадерские трюки, быть сильным, ловким. Смелости Юматову было не занимать. Главное, чтобы зритель поверил в достоверность происходящего на экране. Стало быть, надо вернуться в спорт, что он незамедлительно и сделал. Для серьезных занятий боксом, гимнастикой, легкой атлетикой – дисциплин, в которых преуспевал он до войны, время ушло – сказывались годы без тренировок...

Таким образом, выбор Юматова пал на один из самых престижных в те годы видов спорта – конный. Редкий фильм обходился без участия лошадей.

Конный спорт подходил ему по всем параметрам, возраст тут тоже не имел особого значения. Здесь привлекало Георгия и то, что после войны в спорт влилось немалое число кавалеристов, впоследствии добившихся прекрасных результатов на самых престижных соревнованиях. Сложилось некое постфронтовое братство, в рядах которого недавний морячок чувствовал себя весьма уютно.

Занимаясь в конноспортивном клубе «Пищевик» в районе Беговой улицы в группе прекрасного тренера Елизара Львовича Левина, Юматов тренировался с будущими прославленными рекордсменами и чемпионами страны. С Ниной Георгиевной Громовой, женой легендарного летчика Громова, совершившего беспосадочный перелет через Северный полюс в Америку. Ее рекорд, установленный в одном из наиболее зрелищных видов конноспортивных соревнований стипльчезе – скачке с препятствиями – не побит до сих пор. С неоднократной чемпионкой страны по конкуру Татьяной Куликовской. С Борисом Лиловым, несколько лет спустя в составе сборной страны выигравшим в Париже самый почетный для наездников «Приз наций».

В столь славном соседстве Георгий Юматов научился правильному подходу к лошадям. С большим воодушевлением принимал участие во всевозможных кроссах и тренировках, в совершенстве освоил верховую езду, в полной мере овладел конноспортивной техникой – прыжками через препятствия, вольтижировкой, ездой без стремян и седла – все это так пригодится ему в кино. И все же, через какое-то время, начинающий актер понял: несмотря на безусловные успехи, верховая езда не для него, и решил все силы без остатка отдать кинематографу.

Так стоит ли в таком случае считать приход Юматова в кино случайным? Наделенный необыкновенным обаянием, особой мужской красотой и поразительной искренностью, юноша, как говорится, был просто создан для кинематографа... Позади война. Зарождалась новая жизнь. Кино требовало новых лиц, новых героев. Экран и его служители – режиссеры просто не могли пройти мимо юноши, наделенного столь яркими внешними данными. И несомненным, дарованным ему богом, талантом. Обладал Юматов и еще такими немаловажными качествами, как упорное стремление к актерской карьере и трудолюбие. Пусть

поначалу у юноши и не было никаких серьезных мыслей о кино, все уже давно было предопределено свыше. Вот тут-то и вмешался в дело его величество Случай. Тот, о котором так любят вспоминать журналисты, когда-либо писавшие об актере.

Судьбоносная встреча состоялась то ли в ресторане Дома кино, то ли в буфете Театра киноактера... Главное – случилась! И произошло это в волшебную новогоднюю ночь, когда сбываются самые заветные желания... Мэтр советского кино Григорий Александров обратил внимание на красавца-морячка в разгар самого веселья, на праздновании нового, 1946 года. Юматов отмечал его в шумной компании друзей, рядом со столиком, за которым сидела знаменитая чета – Орлова и Александров... Вот как это звучит в лаконичной интерпретации самого Юматова: «Позвали меня к столику. Первый раз увидел Орлову. Посидели. Они поинтересовались, как жив, как здоров, как воевал. Потом Александров сказал: «Знаешь, я сейчас снимаю кино – «Весну». Приходи на «Мосфильм».

А вот еще одна версия знакомства с Александровым, наиболее часто встречающаяся во всевозможных статьях о Юматове. Осень 1945 года. Место действия – кинозал московского Дома кино, куда будущий актер пришел вместе с другом на просмотр нового фильма. Хотя он слегка прихрамывал и «неуклюже постукивал палкой», не спешил занять место в зале. Озираясь вокруг, морячок с любопытством разглядывал окружавших его в этот вечер кумиров экрана. В зале он оказался рядом не с кем-нибудь, а с самим Григорием Александровым. Незаметно они разговорились... Паренек искренне рассказал, как до войны мечтал стать актером и с большим успехом играл в незатейливых дворовых постановках престарелого соседа-артиста... Итогом этого короткого общения стало приглашение паренька маститым режиссером в свой фильм... Такова еще одна легенда вокруг имени Юматова.

Так или иначе, Григорий Васильевич с первого взгляда разглядел талантливую, фактурного паренька, почувствовав в собеседнике не просто юношескую любовь к романтике, с которой связываются представления о профессии киноактера, а целенаправленность, решимость осуществить свою заветную мечту. Простое русское лицо, открытый, всегда готовый к насмешливой, озорной улыбке взгляд запоминались и располагали к доверию. Его легко было представить в любом костюме как современного человека, так и исторического персонажа, будь то комбинезон рабочего, солдатская гимнастерка или милицмейская форма... Конечно, это еще не значит, что обладатель подобной внешности сразу станет настоящим актером. Но почему бы не дать парню шанс, выразительно сняв его в одном-двух планах – для этого вполне достаточно режиссерского и операторского мастерства. Александров ничем не рисковал, доверяя симпатичному парнишке эпизод в своем фильме. Зато кино таким образом получило Юматова...

Александров тем самым выдал дебютанту путевку в жизнь. Если кто не помнит, то была роль ассистента гримера, подходившего за спиной героини Рины Зеленой к креслу, в котором сидела Любовь Орлова. Со словами: «Разрешите!» он закрывал белой повязкой лоб, убирая мешающие гриму волосы. Георгий Юматов запомнил эту первую гримерную на всю жизнь и остался благодарен Александрову, позже вспоминая этот дебют: «Так элегантно и тактично в кинематограф не попадал никто, даже разрешения попросил!»

Счастливая звезда Юматова взошла – даже столь крошечный кинематографический дебют в несколько секунд не остался незамеченным другими режиссерами. Новое лицо привлекательного статиста, коим в ту пору был Юматов, украсило не один эпизод фильмов, число которых не знал даже сам артист.

Радостная эйфория по поводу первого, пусть и кратковременного, триумфа прошла быстро. Дебютант понимал, что дальше полагаться на подобный счастливый случай нельзя. Чтобы стать артистом, нужно учиться. Один опытный режиссер-педагог, к которому Юматов обратился за советом, сказал: «У тебя есть запас жизненных наблюдений. Есть темперамент

и эмоциональность, необходимые артисту. И есть внешние данные – мимическая выразительность, подвижность. Попробуй учиться искусству на практике».

Вскоре тот же Александров привел будущую звезду экрана во ВГИК к своему другу Герасимову и порекомендовал ему своего «крестника». К тому времени у Юматова уже налилась такая биография, какой хватило бы иному на целую жизнь... Многие студенты ВГИКа, как и он, только что пришли с фронта. В шинелях и гимнастерках, в кирзовых сапогах, с нашивками ранений, прошедшие, как говорится, огонь и воду, кровь и смерть... Выхрастый, с живыми глазами и обаятельной улыбкой парень в тельняшке выигрышно выделялся среди всех остальных – «морская душа».

Режиссер-педагог, выслушав абитуриента, высоко оценил его способности и произнес sacramентальную фразу: «Молодой человек, мне нечему вас учить! Вы – самородок. Учеба вас может только испортить». И сам отвел Юматова в Театр-студию киноактера, где новичка тут же ввели в спектакль «Дети Ванюшина».

Позже Герасимов взял Юматова в картину «Молодая гвардия», в которой играл весь его курс. Роль Анатолия Попова – хоть и небольшая, но заметная работа актера в кино. С нее и принято считать начало его кинокарьеры. После этой роли в Театре киноактера молодого перспективного актера ввели сразу в несколько спектаклей, перед ним открылись двери самых престижных студий страны. Постепенно, активно снимаясь, Юматов прочно вошел в число самых востребованных российских артистов.

Пройдет совсем немного времени, и бывший юнга флота и отчаянный храбрец, несколько лет после войны, как и многие его сверстники, носивший форму потому, что «больше нечего было надеть», и не знавший, чем бы ему заняться в мирной жизни, станет звездой. Как говорится во многих актерских эссе Юматова, такое случается либо в сказках, либо в кино...

Снимаясь, он одновременно учится мастерству и у старших своих товарищей по искусству. И пусть токарь в «Трех встречах», летчик в «Повести о настоящем человеке» отличаются от Алексея в ленте «Пути и судьбы» и Миловидова в картине «Рядом с нами» только тем, что последние наделены именами, а первые только профессиями. Пусть они типажно одинаковы: веселые, озорные парни, слава уже не за горами... Отчасти в этом виноваты и режиссеры, поручавшие неопытному исполнителю лишь психологически несложные, одноплановые роли, а такой талантливый и своеобразный актер, как Георгий Юматов, способен был на большее.

Дар актера – особый дар, в чем-то сходный поэтическому. Представители этой профессии обладают счастливой способностью раскрывать окружающим мир человеческих мыслей и чувств – собственный и своих героев. Естественно, каждому образу отдается много личной органики, индивидуальности. Тут очень важен кругозор исполнителя, его запас жизненных впечатлений и та культура, профессиональное мастерство, которые он в себе несет. В противном случае про актера вскоре скажут: «Этот всюду играет самого себя».

С молодым Юматовым подобного произойти не могло – он был не столько актером, сколько воплощением особого типа личности, человека, в котором удачно соединились темперамент, внешние данные и определенный тип мышления, свойственный его поколению. Богатый жизненный опыт стал хорошим подспорьем в творчестве. Личные краски сделали рисунок таких бескомпромиссных героев Юматова, как Степан Барабаш из картины «Они были первыми», Степан Огурцов из «Разных судеб» и Венька Малышев из фильма «Жестокость», выпуклее, четче, объемнее. Так стоит ли удивляться, что в этих ролях Юматов не играет, а по-настоящему существует, тем самым став для многих своих поклонников воплощением героя не только на экране, но и в жизни.

Его натренированное постоянным физическим трудом, обвеянное ветром, сильное, мускулистое загорелое тело тоже несло некий отпечаток своего времени. Даже многочис-

ленные скандалы и ссоры, неотделимые от имени актера, выглядели не как слухи из жизни кинозвезды, а вписывались в саму систему поведения, характерную для распространенного послевоенного типа бывшего фронтовика...

Природная открытость и дружелюбие, невозможность отказать даже незнакомым людям, приглашающим артиста в свою компанию, вкупе с импульсивно-вспыльчивым характером – «буйством во хмелю» частенько мешали Юматову в работе. И это не могло не повлиять, в конечном итоге, на всю его кинематографическую судьбу...

Вот как вспоминает знакомство с Юматовым актер Кирилл Столяров: «Как-то в наш дом, а мы жили тогда в деревянном доме моего деда на Бакунинском, пришел отец. В это время он репетировал в Театре киноактера спектакль «Три солдата». Георгий Александрович в нем играл самого себя – солдата, возвращающегося в мирную жизнь. И вот однажды к нам домой пришел молодой человек в морской форме, и отец говорит: «Познакомься – настоящий матрос, герой войны. Он освобождал Болгарию, Румынию, Вену – Георгий Юматов». И вот это представление Георгия у меня осталось на всю жизнь».

Решив на практике учиться искусству кинематографа, Юматов наивно полагал, что выбрал более легкий путь. Вряд ли это было так. Хотя он в жизни уже немало видел и знал, с экрана умел говорить пока только о себе. К счастью, помимо незначительных ролей в весьма посредственных фильмах, Юматову удалось поработать и у больших мастеров кино.

Вслед за Александровым он снимался сначала у С. Герасимова («Молодая гвардия»), потом у Н. Брауна («В мирные дни»), у М. Ромма (дилогия об адмирале Ушакове), у Г. Васильева («Герои Шипки»), у Л. Лукова («Разные судьбы»). Эти мастера по-отечески внимательно и требовательно относились к молодому исполнителю, стараясь разбудить его творческую фантазию, актерскую наблюдательность, обогатить недостающими профессиональными знаниями.

Не будь подобных встреч, во многом восполнивших пробелы актерского образования, Юматов, возможно, так и остался бы актером одной роли, кочевал бы из фильма в фильм, пока «не приелся» бы кинорежиссерам и зрителям...

К радости поклонников его таланта, этого не произошло, а наше кино приобрело такого неподражаемого актера, как Георгий Юматов.

«Молодая гвардия»

Первой заметной ролью Юматова в кино стал образ Анатолия Попова в фильме Сергея Герасимова «Молодая гвардия», рассказывающем о молодых подпольщиках, вчерашних школьниках, боровшихся с фашистами в оккупированном Краснодаре и героически погибших.

Герасимов пошел на риск, дав возможность дебютировать более двадцати молодым исполнителям, и не ошибся. Именно они долгие годы вслед за этим определяли лицо советского кинематографа: Нонна Мордюкова, Вячеслав Тихонов, Инна Макарова, Сергей Гурзо... В этой блистательной компании не потерялось и дарование Юматова.

Вот что сказал об этом друживший с ним режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич, у которого позже снимался актер: «Он был настоящий профессионал. Образование – не образование... он снимался у Герасимова. Так началась его биография. А сняться у Герасимова или закончить ВГИК – какая разница... Герасимов на живом материале его учил, как это делать. Я считаю, что он закончил ВГИК с отличием». После этой работы предложения от режиссеров о съемках стали поступать одно за другим...

Картина Сергея Герасимова «Молодая гвардия» (1948) создана по роману Александра Фадеева и основана на документальном материале. 15 сентября 1943 года в газете «Правда» были опубликованы Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями участников подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» и очерк Александра Фадеева «Бессмертие» – о подвиге молодогвардейцев. Так страна узнала своих героев, имена которых позже были увековечены – сначала в книге Фадеева, а потом и в фильме Герасимова.

Уже в феврале 1945-го начались публикации первых глав романа в журнале «Знамя» и газете «Комсомольская правда». Прочитав их, руководитель объединенной актерско-режиссерской мастерской ВГИКа Сергей Аполлинариевич Герасимов встретился с автором романа и предложил ему поставить дипломный студенческий спектакль на основе написанного им материала. Идея Фадееву понравилась. Третьекурсникам предстояло воплотить сначала на сцене, а потом и на экране жизнь и подвиг молодогвардейцев. Сергею Герасимову пришлось прислушиваться к мнению писателя при утверждении исполнителя на ту или иную роль. Так, Любку Шевцову в Инне Макаровой разглядел именно Фадеев, впервые увидев ее в студенческой постановке «Кармен».

Зимой 1946 года режиссер Сергей Герасимов начал со своими воспитанниками во ВГИКе ставить отдельные главы романа. Когда инсценировки обрели целостность спектакля, он, одобренный руководством кинематографии, был перенесен с учебных подмостков на сцену Театра-студии киноактера, где приобрел широкую популярность и шел с постоянными аншлагами.

Студенты студии С. Герасимова играли своих сверстников. Чувствовали и поступали, как их герои. Им не потребовалось больших усилий, чтобы вжиться в образы молодогвардейцев. Они имели те же жизненные идеалы, убеждения и готовы были отстаивать их так же твердо, до последнего вздоха.

Вот что рассказала мне исполнительница роли Вали Борц Людмила Шагалова: «Сначала «Молодая гвардия» была нашим дипломным спектаклем. Фадеев приходил нас смотреть, понравились мы ему, и Сергей Аполлинариевич осуществил инсценировку романа на малой сцене Театра киноактера, в основном силами нашего курса. Всю зиму 1946/47 года играли мы «Молодую гвардию» при полном аншлаге. Успех был невероятный. Люди целыми сутками выстаивали за билетами. А из творческой интеллигенции кого только в зрительном зале не было! Писатели, композиторы, всенародно любимые артисты. Инна Макарова любит вспоминать, как Фаина Раневская плакала и как Михаил Светлов после спектакля вместо

цветов преподнес ей пирожное, завернутое в бумажку; а мне больше всех запомнился Иван Семенович Козловский. Дважды приходил он на наш спектакль. Сидит в первом ряду, горло шерстяным шарфом замотано – в зале-то прохладно, ему бы побережься, а он смотрит на нас и слезы вытирает...»

При таком грандиозном зрительском успехе не могла не возникнуть и идея экранизации романа. И здесь уже силами одного курса было не обойтись. Пришлось привлекать студентов с других курсов ВГИКа – Сергея Гурзо (Серезжка Тюленин), Нонну Мордюкову (Ульяна Громова), Вячеслава Тихонова (Володя Осьмухин), Тамару Носову – студентов Ольги Пыжовой и Бориса Бибикова. И даже ГИТИСа – Владимира Иванова (Олег Кошевой). Несмотря на юность, Иванов тоже был бывшим фронтовиком, разведчиком, после трех тяжелых ранений ставший инвалидом. Снявшись в «Молодой гвардии», он тоже заканчивал ВГИК.

Вскоре начались подготовительные работы, а потом и съемки двухсерийного фильма-экранизации. Больше половины молодых исполнителей снимались впервые в жизни. Фильм дал творческий импульс целой плеяде молодых талантливых актеров. Инна Макарова, Сергей Бондарчук, Нонна Мордюкова, Сергей Гурзо, Людмила Шагалова, Георгий Юматов, Вячеслав Тихонов, Клара Лучко, Виктор Авдюшко, Тамара Носова, Муза Крепкогорская, Евгений Моргунов, в эпизодической роли мелькнула также начинающий ассистент режиссера Татьяна Лиознова. Таким образом, «Молодую гвардию» можно считать блестящим дебютом целого послевоенного поколения отечественных актеров. Какие бы роли они впоследствии ни исполняли, их внутренняя творческая общность всегда оставалась явственно ощутимой.

Почти всем дебютантам суждено было впоследствии стать звездами отечественного экрана, воплотить множество образов. Но участие в «Молодой гвардии» все они будут вспоминать с неизменной гордостью, как момент непосредственного переживания высших нравственных порывов и духовных состояний, позволивших им пусть и косвенно, во «второй реальности» – на экране, быть причастными к мужеству и самоотверженности молодогвардейцев.

Съемки фильма стали исключительным явлением для советского кино 1940-х годов: тщательный подготовительный период, «вращание» актеров в своих персонажей (за время проживания в местах, описанных в романе А.А. Фадеева), многоплановая разработка характеров, детально-правдивое воссоздание среды.

Сначала шли репетиции в Москве. Весной экспедиция уехала на съемки в Краснодар. Молодые актеры познакомились не только с членами семей своих героев, но и с выжившими молодогвардейцами – Валей Борц, Жорой Арутюнянцем, Радиком Юркиным. Бережно сохранив все достоинства книги, Герасимов продолжал работу над сценарием, пополняя ее новыми фактами, рассказанными очевидцами событий. Когда Фадеев увидел новый вариант сценария, то удивленно признался, что «читал его как совершенно новое произведение».

«Это было счастливое время, – не раз вспоминал о съемках фильма режиссер. – Такой слитности и увлеченности молодого коллектива со времени работы над фильмом «Семеро смелых» я не припомню. Да это и понятно, так как все участники были связаны с только что закончившейся войной самым неразрывным образом. Все видели ее глаза в глаза. Почти все парни побывали на фронте, вернулись с ранениями и орденами. Несмотря на юные годы, война стала их бытом, и ничего не нужно было воображать. Надо было только вспоминать».

В романе Фадеева беда, все ближе надвигающаяся на героев, делает еще острее их жажду жизни, ее красоты и радости и, конечно, любовь. В фильм многие лирические линии не вошли, но внезапно вспыхнувшее чувство Сергея Тюленина и Вали Борц режиссер все же показал. Ситуация для первого признания – самая неподходящая: Сергей и Валя собираются

водрузить на крыше здания в центре города красный флаг. Затея с неясным исходом и требующая предельного внимания, абсолютного бесстрашия. Тем временем она говорит ему с подтекстом: «Ничего-то ты не понимаешь...» Близко звучат немецкая речь и шаги охраны, он порывисто обнимает девушку. Сбивчивое, взволнованное дыхание обоих. Патруль прошел, Сергей нехотя выпустил девушку из объятий и смущенно отвернулся...

Вот как вспоминает то время Людмила Шагалова: «На съемках в Краснодоне мы получали (как и вся страна) рабочие карточки. 1946 год, на беду, оказался неурожайным, и в начале лета сорок седьмого даже на Украине было очень голодно. На карточки получали хлеб – три четверти буханки – и шли продавать на рынок. Мы быстро сторгуемся рублей за тридцать – и бегом купить молока или овощей; а Сережа (Бондарчук. – *Н.Т.*) хоть весь день будет стоять, но продаст свой хлеб не дешевле чем за сорок. Знал он цену хлебу, да и вообще цену всякому труду. И сам был большой труженик. А еще – талантище и личность, конечно же, поразительная...»

Дебютант картины Сергей Бондарчук в годы преподавания во ВГИКе любил повторять своим студентам, что «актера воспитывают роли». Сам он, по его же утверждению, довольно поздно пришел в кино, уже пройдя войну. Бондарчук был старше многих своих сокурсников и партнеров по фильму.

Поколение Тихонова было тем поколением военных подростков, не понаслышке знающих о войне и подставивших свое плечо семье и матерям, работавшим в тылу за двоих – за себя и воевавшего на фронте мужа. О своей первой работе актер вспоминает: «Это был дипломный фильм актерско-режиссерского курса Сергея Герасимова – Сергей Бондарчук, Инна Макарова, Клара Лучко. Имена-то какие! Герасимов сделал такой эксперимент: в Краснодоне каждый выпускник брал эпизод, связанный со своим героем, и репетировал. Мы жили там, где жили наши прототипы, ходили к шурфу, где они погибли...»

Когда готовилась эта книга, я позвонила Вячеславу Васильевичу. Вот что он сказал о Юматове, о встречах с ним: «Жорка воевал, мне-то не пришлось. Нас объединил и Театр-студия киноактера, и первая наша совместная киноработа в «Молодой гвардии». Потом был фильм «Мирные дни». Жорка был замечательным, надежным человеком. С ним можно было и дружить, и решать какие-то вопросы, он никогда бы не подвел. С первых моментов нашей встречи у меня зародилась к нему какая-то особая симпатия, тяга. И он, я это чувствовал, относился ко мне очень трогательно, не так, как ко всем, даже опекал иногда. Хотя, конечно, никакой дружбы закадычной, застольной не было.

Все мы были довольно окрыленные. Хотя нас в Москве еще не снимали, и нам, молодым, приходилось уезжать в основном на киностудию Довженко, в Киев. Там проходила наша основная актерская стажировка – нужно было познать себя, законы киноискусства. Вот там, в каких-то ролях, картинах мы и шлифовали себя, узнавали, что такое кино. Снова проходили практический курс обучения, ведь я, скажем, учился у театральных педагогов – Бибикова и Пыжовой, пришедших во ВГИК из МХАТа. Здесь уже помощи ни от кого ждать не приходилось. Тебе давался сценарий, и по нему нужно было работать. Мы, помню, все были заворожены подвигом мальчишек и девчонок из «Молодой гвардии». И, по сути, внутренне тоже чувствовали себя молодогвардейцами, хотя военное время и прошло. В той же «Молодой гвардии», которая шла и на сцене, и в кино, Сережку Тюленина играл Сергей Гурзо. Потом он уехал в Ленинград и «откололся» от нас, не знаю, по какой причине. Тогда Жорка Юматов получил роль Сережки и играл ее на сцене. Замечательные это были годы...»

В фильме много ярких драматических сцен. И все же самым ярким и ключевым эпизодом стала сцена казни красногвардейцев. Снимали ее в семь часов вечера у той шахты, где они погибли. Уже с середины дня вокруг разрушенного шурфа 5-й шахты собрались жители Краснодона. Для них словно бы ожили трагические события недавнего прошлого: подъехали грузовики, из них в сопровождении охранников вышли истерзанные юноши и девушки...

Жители Краснодона стояли, еле сдерживая рыдания. И хотя было снято несколько дублей этой страшной трагической сцены, в картину вошел именно первый, как самый точный по актерской игре и эмоциональному накалу.

«Мы ведь к самому материалу, к истории этих ребят относились с невероятным энтузиазмом и чистотой, – рассказывает Инна Макарова. – Это же все было. Помню, как приходили люди из соседних станиц, смотрели, как снимали сцену казни. Шурф забетонировали, лететь надо было метра два. Внизу подстелили маты. Но ребят падало много, порода торчала. Кто-то голову разбил, кто-то вывихнул руку. Четыре ночи снимали. Мы все по сцене в рваных платьях, босиком. А уже осень, холодно. Я еще кричала какой-то текст: «Прощай, мама, твоя Любка уходит в сырую землю!» Но Герасимов это убрал: выжимать из людей слезы до бесконечности невозможно».

Когда съемочная группа уезжала из Краснодона, уже рыдали все – и артисты, и местные жители – за время экспедиции они успели крепко сдружиться... Когда фильм вышел на экраны, его ждал поистине грандиозный успех. Рассказывает Людмила Шагалова: «Для нас, начинающих актеров, это был успех фантастический! Все центральные газеты посвятили передовицы нашей картине, ведь «Молодая гвардия» вышла на экраны тиражом в полторы тысячи копий и одновременно демонстрировалась во всех крупных городах Советского Союза! Сейчас такое даже представить невозможно, а тогда – страна еще в руинах, досыта мало кто наедался, а жизнь в кинематографе кипит, и к нему приковано внимание измученного победившего народа. Нас – это не преувеличение и не бахвальство, так действительно было – обожала вся страна. Кроме того, звание лауреата Сталинской премии было как бы пропуском в более благополучную, более уверенную жизнь... Мы, сыгравшие главных молодогвардейцев: Владимир Иванов (Олег Кошевой), Инна Макарова (Люба Шевцова), Нонна Мордюкова (Ульяна Громова), Сергей Гурзо (Сергей Тюленин) и я (Валя Борц) – в 1949 году получили Сталинские премии. (Мне вручал премию Александр Александрович Фадеев.)».

Однако Юматову этот фильм не принес такого же творческого везения, как многим другим его участникам.

После фильма «Молодая гвардия» с легкой руки С. Герасимова за Георгием Юматовым закрепилась репутация этакого отчаянного, бесстрашного сорвиголовы. В одном из эпизодов персонажу Юматова пришлось глубокой осенью переплывать реку, чтобы с группой товарищей освободить из немецкого плена советских солдат. Собственно, именно этот эпизод и определил Юматову роль в фильме. Кому, как не ему, недавно вернувшемуся с войны моряку, под силу подобное – поздней осенью лезть в ледяную воду. Эпизод снимали в конце октября. На траве иней... Да еще, как это всегда бывает в кино, пришлось делать несколько дублей.

И все же, у Юматова, как и у того же Тихонова, роль была более чем скромная. Если бы Жора Герасимову встретился чуть раньше, роль Сережки Тюленина (которого он потом блестяще исполнял в очередь с Гурзо на сцене Театра-студии киноактера) была его. На других участников фильма слава обрушилась подобно лавине. Из воспоминаний Вячеслава Тихонова: «Мы еще не окончили институт, а уже двое из нас носили на лацкане медаль лауреата Сталинской премии первой степени за «Молодую гвардию». А потом Сережа Гурзо получил еще и Сталинскую премию второй степени за «Смелых людей». То есть у него было две медали. Бывало, идем по улице: его все узнают, оборачиваются вслед, а на меня – ноль внимания. Слава богу, до безумств у меня никогда не доходило. Но чувство, близкое к зависти, в душе шевелилось. А потом сам стал сниматься – и все прошло».

Позже он к этим откровениям добавлял: «Почти у каждого из нас есть что-то вроде двойного календаря: первая роль в кино – это скорее метрика, чем аттестат зрелости. Честно говоря, в то время мы просто не могли еще состояться по-настоящему. Мы только-только начинали осваивать азы будущей профессии. Если нам в той или иной степени и удавалась

работа, то лишь потому, что в «Молодой гвардии» мы играли не просто сверстников – мы играли самих себя, переживали на экране события, которые при известном стечении обстоятельств могли коснуться и нас самих. На мой взгляд, здесь все решало не профессиональное мастерство, не точный актерский расчет, а наши характеры и темпераменты, общественное ощущение подвига, совершенного такими же, как и мы сами, девушками и юношами. Мы принадлежали к тому же поколению и так же отчетливо остро воспринимали события военного времени...»

Предсказание

Интересную историю об учебе во ВГИКе и о своих однокурсниках рассказала мне Людмила Александровна Шагалова, окончившая тот самый легендарный звездный курс Сергея Аполлинариевича Герасимова, который в полном составе снялся в «Молодой гвардии». Сама Шагалова, как мы знаем, сыграла тогда Валю Борц. Среди других работ актрисы – роли в фильмах: «Дело № 306», «Женитьба Бальзамина», «Не может быть!», «Верные друзья», «Дача»...

– На актерский факультет ВГИКа я поступила в конце войны, – вспоминает она. – Чем запомнился первый год учебы на артистку, так это совершенно необычным для актерской мастерской количеством студентов – на первом курсе училось нас 56 человек. На второй же курс после экзамена по мастерству наш педагог Сергей Аполлинариевич Герасимов перевел только восемь девушек, парня – ни одного. Кстати, набирал и начинал с нами не он, может, поэтому произошел такой отсев. Было решено объявить дополнительный набор, только мужчин. Иначе как бы мы без партнеров учились? Тогда в нашу мастерскую пришли поступать Евгений Моргунов, Глеб Романов, Андрей Пунтус, Сергей Бондарчук... А мы – восемь счастливиц, уже второкурсниц: Клара Лучко, Инна Макарова, Муза Крепкогорская, Клава Липанова, Олеся Иванова, Маргарита Иванова-Жарова, Адиба Шир-Ахмедова и я – присутствовали на прослушиваниях.

Наш мастер нацеливал нас на художественную литературу, требовал, чтобы мы для своих актерских этюдов самостоятельно выбирали отрывки из русской классической прозы... Как-то после занятий по пантомиме и произошло событие, которое я запомнила на всю жизнь. Мы, все еще разгоряченные, стараемся дышать глубже, и вдруг Глеб Романов говорит: «Во время войны мне попалась книжка «Хиромантия», я ее изучил и теперь по линиям на ладонях могу предсказывать судьбу. Давайте ваши руки». Можно верить, можно не верить, но о многом, что случится с каждым из нас впоследствии, о том, как сложатся наши жизни, с поразительной проницательностью поведал тогда во вгиковском спортивном зале наш однокурсник Глеб... (в «Молодой гвардии» Глеб Романов сыграл Ивана Туркенича, в концерте перед портретом Гитлера исполнявшего цыганскую песню «Ой, расскажи, расскажи, бродяга...»). – *Н.Т.*)

Первым протянул руку Бондарчук. «Сережа, – Глеб долго-долго рассматривал его руки, – у тебя возле мизинца – звезда! Значит, жизнь твоя будет звездная». Мы все были потрясены, и каждый скорее стал протягивать Глебу свои руки: «А у меня звезда есть?» Больше ни у кого на руке звезды не обнаружилось. Зато Музе Крепкогорской он сказал, что ее уведут почти из-под венца: так и случилось, ведь в Музу был влюблен другой мальчик, и мы не сомневались, что скоро погуляем у них на свадьбе. Свадьба была, но не с этим юношей, а с Жорой Юматовым. Кстати, Юматову Глеб сказал, что в конце жизни с ним произойдет нечто ужасное (и тоже оказался прав. – *Н.Т.*).

Инне Макаровой было сказано, что у нее все будет хорошо, но не всегда, жизнь ей преподнесет и сильные переживания. Кларе Лучко Глеб напороочил трех мужей, она даже кричала на него: «Ты с ума сошел!» – «... Причем второй, – продолжал, не смущаясь, Глеб, – будет намного старше». Точно: второй муж Лучко – выдающийся артист, незабываемый голубоглазый красавец Сергей Лукьянов (Гордей Ворон из «Кубанских казаков», Пугачев в «Капитанской дочке»), был старше Клары на 15 лет (хотя по нынешним временам, когда «дедушки» женятся чуть ли не на «внучках», такая разница в возрасте, наверное, мало кого удивит).

Меня тогда это все очень поразило. Мы дружили с Klarой Лучко, и мне он тогда сказал, что мы с ней расстанемся. Так и вышло: двадцать лет мы с ней не общались – жизнь нас

развела. «А ты? А ты?» – наступала тогда на нашего хироманта Клара. «А меня ждет тюрьма, жизнь моя вообще будет адская, умру очень рано и чуть ли не под забором», – вздыхал Глеб.

И правда: его жизнь – настоящая трагедия. Начал он прелестно. В середине пятидесятых годов вышел на экраны милый музыкальный фильм «Матрос с «Кометы», Глеб Романов – тогда просто море обаяния – сыграл в нем главную роль и мгновенно стал очень популярным. Фильм пользовался огромным успехом, песенки из него распевала вся страна. Глеб замечательно пел, у него был мягкий, приятный баритон. Он, кстати, чуть ли не первым начал исполнять на эстраде зарубежные шлягеры. Как споев «Бесаме мучо» или «Голубку» – гром оваций. А еще он блестяще танцевал чечетку и великолепно играл на аккордеоне. Я помню, как ломилась публика в наш Театр киноактера на Глеба Романова. 30 сольных концертов в месяц – дикая нагрузка. Он заболел, потом стал наркоманом, что-то натворил, угодил за решетку. Мы, однокурсники и коллеги по театру, подписывали письмо в его защиту... Но Глеб после тюрьмы так и не смог восстановиться и подтвердил собственное предсказание.

...«Муж в жизни у тебя будет один», – нагадал мне в далекой юности Глеб Романов. Так и есть – скоро 60 лет, как мы вместе. Сын наш Гена стал режиссером, сам уже давно отец.

...И еще одно предсказание Глеба. В последнее время я частенько о нем думаю и уношу памятью в тот послевоенный год, в наш плохо отапливаемый, обшарпанный институтский спортивный зал, где мы, будущие артисты, полушутя-полусерьезно играли в хиромантию и дружно разглядывали звезду на ладони у Сережи Бондарчука. Я с надеждой, а вдруг и у меня найдется хоть крохотная звездочка, протягиваю нашему новоявленному прорицателю руку, а он мне говорит: «Ты умрешь не своей смертью». Да... я незрячая, совсем ничего не вижу. Но не сдаюсь, держусь что есть мочи. Стараюсь быть в курсе всех событий. Даю интервью, публично делюсь воспоминаниями, размышляю о нынешнем нашем житье-бытье. Корреспонденты даже из других городов звонят...

Его муза

Георгий Юматов был идеалом друга для мужчин – не только близкие друзья, но случайные приятели и малознакомые люди называли его просто Жора. Был он и идеалом мужчины для женщин. И все же, несмотря на сногшибательный успех у женщин и многочисленные скоротечные романы, Юматову, по большому счету, на протяжении полувека семейной жизни никто, кроме его Музы, был не нужен. Для него она стала настоящей музой, его путеводной звездой. С молодости и до седых волос Юматов по-настоящему любил только Ее одну.

Надо сказать, что вопреки всем представлениям о том, что у Юматова не было никакого актерского образования, он два года (с 45-го по 47-й годы) учился на актерском факультете Киношколы при киностудии «Мосфильм». Была и такая школа. Об этом я узнала из его личного дела архивного фонда киностудии «Мосфильм». В семье Георгия Юматова обнаружили и фотографии, подтверждающие данный факт, они представлены в книге.

«Молодая гвардия» и для Георгия Юматова, как и для многих других студентов, снявшихся в картине, стала судьбоносной. Не потому, что принесла всенародную славу – она ждала его впереди. На съемках «Молодой гвардии» он познакомился со своей будущей женой. Миловидная блондинка Муза была старше его на два года – она родилась 9 сентября 1924-го.

Муза была гордостью курса, кстати сказать, она и ВГИК закончила с «пятеркой» по мастерству, что всегда было большой редкостью для института. К слову сказать, у Клары Лучко, однокурсницы Музы, по тому же предмету в личном деле красовалось «четыре». К тому же, Муза была еще и сталинской стипендиаткой, одновременно с учебой успевающей играть на прославленной сцене МХАТа. Невероятно остроумная, общительная, образованная и при этом вся такая беленькая, словно ангелочек...

Только спустя много лет Юматов узнал, что на самом деле его жена – брюнетка, почти цыганка и всю жизнь «травит» волосы, поддерживая однажды найденный ею и сложившийся имидж. Что и говорить, «морячок» тогда навсегда влюбился в эту хохотушку и всюду неотступно следовал за ней «хвостиком». В ответ его избранница «окрестила» своего воздыхателя «Жоржем» и великодушно позволяла себя любить.

Несмотря на то что Юматов не учился у Сергея Герасимова, отмеченный материнской заботой Тамары Макаровой, он как-то незаметно «прибился» к герасимовскому курсу, на котором училась его зазноба.

Сегодня кажется странным, но неистовый кинокомсомолец, борющийся за правое дело на экране, в жизни никогда не принадлежал ни партии, ни комсомолу. Это достоверно известно из автобиографии, хранящейся в архивах Гильдии киноактеров России.

А тогда – 2 декабря 1947 года, как и следовало ожидать, бурный роман Жоры и Музы завершился студенческой свадьбой. И пусть на столах не было никаких кулинарных изысков, гостей потчевали более чем скромно, такое было время, по уверениям очевидцев, это была первая и самая веселая свадьба (а ведь на съемках «Молодой гвардии» их отшумело немало). Однокурсница и закадычная подружка Музы Маргарита Жарова признавалась, что к концу празднования жених, как говорится, «лыка не вязал». Однако это не омрачило торжества. Его уложили спать, а свадьба гуляла дальше уже без него. Так началась их многотрудная и счастливая семейная жизнь.

В «Молодой гвардии» Музе досталась роль предательницы Лазаренко. Она с горечью не раз говорила, что сначала ее чуть не утвердили на Любку Шевцову. «Эта проклятая Лазаренко загубила всю мою карьеру», – плакалась Муза своим знакомым.

Огромная коммуналка на Страстном бульваре, 1, с окнами на нынешнюю «Чеховскую». Здесь в одной из 16 комнат и проживали Крепкогорские. Тут же, посреди 33-метровых апартаментов, рядом с огромным отцовским концертным роялем, и расположились новоиспеченные молодожены. Как рассказывает актриса Маргарита Жарова, Жора перебрался к Музе еще до свадьбы. Успели они пожить и у его родителей.

Николай Ларин: «У Музиной мамы была очень хорошая комната в коммуналке на Тверской. Если стоять лицом к памятнику, то их дом находился с правой стороны. Ну, единственно, было очень шумно – первый этаж. Они жили там втроем и очень дружно».

Отец Музы, Виктор Гаврилович Крепкогорский, актер 2-го МХАТа (о чем я узнала из личного дела актрисы, составленного в Театре киноактера), один из аккомпаниаторов Федора Шаляпина, виртуозно играл на многих инструментах. Его жена – Лидия Ивановна была потомственной дворянкой. Ее отец, дед Музы, Иван Грачев, изменил своему сословию и стал врачом, лечил рабочих фабриканта Морозова. С детства у маленькой Лиды было все – огромный дом, гувернантки, прекрасное домашнее образование и блестящие перспективы на будущее. Однако в 16 лет она осиротела, лишилась матери. Отец тут же, не соблюдая траура, женился. И юная падчерица сбежала из дома. Вскоре Лида познакомилась с молодым музыкантом Крепкогорским и одного за другим родила ему троих детей. Муза была старшей дочерью. Вторая девочка родилась очень слабенькой, много болела, и, несмотря на хороший уход родителей и лечение лучших столичных врачей, через несколько лет умерла. Младшим был сын Валера.

Однажды Муза на глазах у подруги нашла редчайшую фотографию – отец вместе с непревзойденным Федором Шаляпиным! Едва взглянув на раритетный снимок, она разорвала его в мелкие клочья с гневным возгласом: «Ненавижу! Как он мог так с нами поступить!» И тут же «прикусила язык». Эту тему в семье старались не затрагивать...

В середине 30-х, когда в столичной богеме начались чистки, Виктор Крепкогорский, по неизвестным причинам, приладил дома веревку и повесился. Случилось это как раз в день рождения Валеры, в 1936 году. Четвероклассница Муза, увидев отца с петлей на шее, на несколько дней потеряла дар речи. Вскоре, чтобы прокормить ребятишек, Лидия Ивановна с невероятным трудом устроилась лаборанткой в химлабораторию МГУ. Сразу после окончания школы, в 1942-м, по настоянию матери, Муза поступила на биофак МГУ и одновременно, но уже втайне от родни, во ВГИК (помня свой первый сценический успех, когда в течение 35 – 36-го годов девочкой выходила на прославленную сцену МХАТа в спектакле «Мольба о жизни»). Успешно проучилась семестр в обоих вузах. И только потом призналась маме, что твердо решила стать актрисой. Разве могло быть иначе, ведь в семье Музочка всегда была самой красивой, самой умной и самой талантливой... Лидия Ивановна, словно замаливая грехи отца, подсовывала дочери лучшие кусочки, не жалела денег на обновки, баловала, как могла.

Свои детские привычки Муза не изменила и после свадьбы. Это за дверью дома – на улице, на съемочной площадке, в кинозале Юматов был звездой и любимцем публики. В семье же всем заправляла Муза!

Многие, знавшие эту странную пару, утверждали, что хозяйка из актрисы получилась никудышная. Обыватели же о таких семьях обычно говорят: «Парень попал на все сто!» С годами все вошло в привычное русло – Юматов научился неплохо готовить, стирать белье, а при необходимости мог и заштопать носки, ведь его жена не считала хозяйственные хлопоты своим делом. Георгия это не смущало. Возвращаясь с очередных съемок, если не было дома тещи, он без стеснения и упреков молодой жене принимался за самообслуживание.

И все же Юматов жил ощущением счастья и гармонии. Ведь все так удачно складывалось. Он прекрасно ладит с тещей, дружит с братом жены и просто обожает Музу. Не беда,

что им немного тесно – он и дома-то бывает редко. Не беда, что Музок оказалась упрямой и своенравной – главное, что они вместе.

Лидия Ивановна обожала дочь и потакала любым ее прихотям. Она по-прежнему старательно ограждала ее от домашних обязанностей, от которых Муза и сама с удовольствием отлынивала. Обед и так всегда есть, а во всем остальном Жорик сам в состоянии о себе позаботиться.

«У Музки мама была потрясающе интеллигентная женщина, – вспоминает долгие годы дружившая с парой Татьяна Конюхова. – О том, что ее мама из дворян, Муза никогда и словом не обмолвилась. Она знать не знала, что такое хозяйство, ничего не умела делать по дому, поскольку вся была в искусстве. И Жорик уважал и любил в ней именно артистку».

«Жоржик, ну ты же знаешь, мне некогда», – как всегда на бегу, бросала ему легкомысленная Муза... – и незаметно испарялась. «Когда не стало мамочки, все домашние заботы взял на себя муж, – вспоминает Татьяна Конюхова. – Он так страдал и плакал по ней, словно потерял родную мать».

Нередко на выручку любимому артисту приходили подруги Музы и поклонницы таланта Юматова. Одной из бессменных таких помощниц долгие годы была Галя Громова. Параллельно с собственным хозяйством она успевала еще ухаживать за Музой с Жорой. Всячески их опекала: стояла у плиты и готовила всевозможные разносолы в дни праздников, приводила в порядок дом в дни долгих отъездов актеров – простирывала и переглаживала белье, откармливала изголодавшегося по домашней пище в многочисленных экспедициях актера.

«В те годы вечно голодным был не только Юматов, а многие наши знаменитые актеры, – вспоминает Вера Линдт, ассистент режиссера по подбору актеров (по кастингу, как сейчас говорят), работавшая на десятках картин, большая подруга Музы и Жоры. – Что они ели во время экспедиций, в захолустных городках? Помню, как в одном из них, в единственном ресторане нам принесли меню: салат из мойвы, суп из мойвы, биточки из мойвы, мойва жареная... И больше ничего, кроме мойвы! «А у вас компота из мойвы нет?» – не выдержала я, прочитав весь список. Официантка даже не улыбнулась. Так что я все время варила актерам супы, каши, картошку, чтобы хоть наелись. «Верка, ты что готовишь? Мясо? – звонил мне Жора. – Срочно приезжай!» И я мчалась к ним. Все по благу, хорошие продукты – по знакомству. И даже если у тебя есть деньги, купить все равно ничего нельзя».

– Жорж, зайди в Елисейевский, к Соколову – попроси к празднику икры и колбаски, – обычно просила супруга. И, скрепя сердце, Юматов ехал на улицу Горького. «Ну почему я должен заискивать перед директорами каких-то гастрономов!» – бесился он, возвращаясь с «заказом».

Казалось, они совершенно не подходят друг другу. Друзья и знакомые разводили руками: «Наверно, это любовь...». Он – широкоплечий красавец: военная выправка, большие голубые глаза и врожденная артистичность. А она, хотя никогда и не отличавшаяся изысканной красотой, приковывала внимание всех своим остроумием, общительностью и образованностью. Не совпадали их вкусы, у них были разные взгляды на жизнь, разные увлечения и пристрастия. Юматов любил охоту, рыбалку, лесные зори и костер...

К середине 50-х, когда Юматов стал кинозвездой, Крепкогорская не выделялась из общего числа белокурых «кудряшек», снималась немного, а со временем и вовсе перешла на эпизоды. Нередко, принимая очередное предложение. Юматов ставил условие, чтобы Муза снималась вместе с ним.

В погоне за ролями Муза не обращала внимания и на разговоры Жоры о детях – слишком была занята бесконечными приемами и ожиданием новых предложений, которые ей если и делали, то часто с единственной целью – присматривать за крепко увлекающимся спиртным мужем. Так, в «Офицерах» Крепкогорская получила роль матери Маши, возлюбленной

Егора Трофимова, только потому, что съемочная группа боялась очередного срыва у исполнителя главной роли. Впрочем, и Музе не всегда удавалось остановить супруга – так Юматов лишился знаковой роли – красноармейца Сухова в культовой картине «Белое солнце пустыни», о чем всегда сильно жалел, но об этом позже.

В середине 60-х на знаменитом одесском привозе, на всеобщем обозрении красовалась потрясающая по несуразности реклама местного консервного завода: «Если хочешь сил моральных и физических сбечь, пейте соков натуральных – укрепляет грудь и плеч!» Рядом с этим «бодрым» призывом, на фоне консервных банок – воспроизведенное с какой-то фотооткрытки, улыбающееся лицо Музы Крепкогорской, со столь узнаваемыми пухлыми щечками и ярко выраженными «аппетитными» ямочками...

Бриллианты, золото, красивая редкая посуда... Муза не ограничивала себя ни в чем и никогда не считала семейный бюджет. «Жорж заработает!» – не мудрствуя лукаво, твердила она подругам, покупая себе очередное колечко, а мужу – дешевые котлеты в соседней кулинарии. И Жорж зарабатывал, чтобы лишний раз порадовать свою Музочку, даже после замужества позволяя ей оставаться «взбалмошным ребенком».

Популярных артистов частенько приглашали на партийные «междусобойчики». На закрытых правительственных дачах столы ломились от закусок, водка и коньяк лились рекой... Муза любила подобные мероприятия – там она блистала и была как рыба в воде, с удовольствием демонстрируя роскошные заграничные наряды, присланные ей из Америки или Швейцарии младшим братом – дипломатом Валерием.

Жора, наоборот, в подобных компаниях, в которые он попадал помимо своей воли в угоду жене, сразу замыкался в себе. Иногда он приходил в ужас, видя, как какая-нибудь нерадивая хозяйка спускает в помойное ведро подветрившиеся деликатесы. «Сколько бездомных собак можно накормить, да и многие бы люди не отказались от такого пиршества», – в раздражении думал он.

Во время роскошного застолья предполагалось, что приглашенные кинозвезды «отработают» гостеприимство хозяев. И им приходилось развлекать высокопоставленных гостей. Только Юматов молча, в сторонке подливал и подливал себе водочки... На это закрывали глаза – само присутствие звезды льстило собравшимся. «Столько дерьма развелось. Вот идешь и боишься, как бы не наступить», – возвращаясь с очередной подобной «попойки», цитировал он великую Раневскую. И еще больше бесился: «Кто эти люди, почему они так живут?!»

Когда на Юматова обрушилась оглушительная слава, о которой лишь мечтали его многие, даже состоявшиеся в профессии коллеги, по стране поползли слухи, со временем перерождавшиеся в легенды о его романах с самыми неприступными красавицами Советского Союза. «Жоре нравились хрупкие интеллигентные девушки, которых бы он мог защищать, а в него влюблялись крупные, властные, красивые женщины. Так что это еще большой вопрос – кто кого соблазнял, – смеется режиссер Георгий Юнгвальд-Хилькевич. – Он никогда не красовался, что свойственно многим актерам, и при этом в нем было столько обаяния и настоящей мужской красоты, что женщины чувствовали это за версту и не давали ему прохода. А мужчин восхищало его поведение в экстремальных ситуациях. Если он начинал что-то рассказывать – о войне или просто травить анекдот, – все забывали о водке и слушали его, открыв рот.

Он «крутил» романы с замужними дамами и нередко дрался с их мужьями, а потом, после съемок, быстро остывал». С ним теперь всю кокетничали хорошенькие актрисы, его приглашали на ужины и вечеринки, и он уже не так, как раньше, торопился после съемок домой. На его гонорары на съемках порой гуляло полгостиницы...

И все же, главной женщиной в его жизни по-прежнему оставалась жена. Муза, до которой, конечно, доходили слухи о похождениях мужа, никогда особенно не терзалась ревно-

стью. Она была уверена – Жорик ее любит и в ней нуждается. Известно ведь, что жизнь каждой популярной личности овеяна слухами. В конце концов, все имеют право на личную жизнь, и семейные узы здесь ни при чем.

Однажды и у Музы завязался серьезный роман – с Сергеем Столяровым. Она даже ушла от мужа. Они не жили вместе несколько месяцев. Жора глубоко переживал уход жены, тем более что со Столяровым они дружили. Он понимал – ни силой, ни уговорами, ни угрозами ее не вернуть. Оставалось только ждать. И Жора ждал, ждал и ни минуты не сомневался в том, что Музок вернется. Они всегда возвращались друг к другу. И на этот раз все было именно так. Когда Муза вошла в дом, он ни словом ее не упрекнул, хотя это ему стоило немалых усилий. Все знали, что Жора человек горячий и бескомпромиссный.

Вот как вспоминает о взаимоотношениях супругов Виктор Мережко: «Два одиночества и два счастливых человека. Они ссорились, ругались. Жора хлопал дверью, уходил, но никогда навсегда. У Музы случился роман, и она ушла. Он встречал ее, просил вернуться. Она не возвращалась, но потом вернулась, сказав: «Жора. Я вернулась, потому что никто меня так не любит, как ты». И он немедленно простил все, и забыл это». Так заканчивалась любая размолвка между супругами, даже долгая разлука...»

Муза для Юматова стала и счастьем, и болью всей его жизни. Это к ней он возвращался, несмотря ни на что – каждый раз, год за годом, всю жизнь. Если не брать в расчет это и многое другое – в мире кино немало соблазнов, в целом супруги жили неплохо. Первые годы часто снимались вместе – режиссеры сами предлагали Музе крошечные роли в картинах, в которые старались заполучить Юматова. Она имела на мужа сильное влияние, могла проследить за тем, чтобы он достойно выдержал напряженный режим съемок, не сорвался. Сама же она, как актриса, все меньше и меньше интересовала режиссеров – никто ее больше не приглашал в большое кино на достойную ее таланту роль. И если в ее актерской карьере случались рабочие эпизоды, то и это во многом благодаря участию в картинах ее мужа, чья карьера уверенно шла вверх. Порой успехи мужа не могли не раздражать. Подобное часто случается в творческих семьях, где один из супругов оказывается более успешным.

«Муза вертела Жоржем, как хотела», – частенько не без зависти поговаривали в их окружении. Только она могла заставить Жору закодироваться или, наоборот, если ей это было на руку, – спровоцировать его запой. В такие минуты она хлопала дверью и убегала на очередное свидание. Что поделать – и у нее, и у него бывали сиюминутные увлечения на стороне. Жора мечтал о детях, а Муза считала себя незаслуженно забытой и обиженной и все время ждала, что ей наконец-таки предложат соответствующую ее таланту, большую роль. Поэтому и не торопилась рожать ребенка, постоянно делая аборты. Все переживала – вдруг позовут, а она окажется «не в форме»...

Я хочу, чтобы читатели правильно поняли, мне не очень-то хотелось касаться этой темы, рассказывать им ту грустную историю, о которой дальше пойдет речь. И все же, жизнь есть жизнь, а из песни, как говорится, слова не выкинешь. Произошедшее прибавляет трагизма в жизни любимых артистов и многое в ней объясняет... Моих героев давно нет в живых, царствие им небесное, не нам их судить. Они прожили жизнь, как хотели.

Георгий Юматов безумно любил детей, это отмечают все без исключения, знавшие его. Судьбе было угодно отнять у него дар отцовства, возможно, в расплату за невероятную популярность, кто знает... Отцовство и материнство – действительно бесценные дары, посланные нам свыше. Как часто мы не придаем значения небесному подарку и становимся родителями – кто по случаю, кто по привычке – пусть будет как у всех. Кому-то не суждено испытать это счастье. Иногда по собственной халатности или глупости, иногда по легкомыслию.

Подобное случилось и в судьбе этих талантливых людей. Профессия отняла у них возможность построения обычной семьи, с ее радостями и горестями. Так стоит ли удивляться,

что в конце жизненного пути все сложилось столь трагически, ведь почва будущему несчастью и душевному сиротству закладывалась еще тогда, в молодости, когда все было столь радужно – успех, поклонники, любимая работа и все казалось по плечу... И все же, хорошо говорить об этом сейчас, за той чертой, за которой никому ничего не дано изменить...

А тогда, в конце сороковых, все разворачивалось так: счастье, казалось бы, вновь ступило на их порог – Муза была беременна, у Юматова – новая интересная роль, и он уехал на очередные съемки. И тут случайно, через общих друзей узнал, что его жене хотят предложить хорошую роль. «Она уже на 4-м месяце, неужели снова аборт?!» – с ужасом подумал несчастный муж и без промедления бросился в Москву. Прилетел, примчался домой, но опоздал. Никого! Позвонил в родной Театр киноактера, где они работали с Музой, – тоже нет. Одна из подруг призналась, что жена отправилась на дом к частной повитухе... Через полчаса Юматов стоял под дверью названной квартиры, но было слишком поздно, он опоздал всего на несколько минут... Роли той Муза так и не получила, а поздний аборт навсегда лишил ее возможности иметь детей.

Он долго не мог ее простить. Она ходила за ним по пятам, звала назад, каялась... Супруги не жили вместе несколько лет, но при этом не спешили и разводиться. «Наверное, это любовь», – говорило на то их окружение. То был рок, судьба – что бы ни происходило у Жоры, с кем бы ни крутила романы Муза, их вновь и вновь неодолимо тянуло друг к другу...

«Как раз в это время начали строить актерский кооперативный дом, недалеко от метро «Аэропорт», – рассказывала в одном из интервью Елена Крепкогорская, родная племянница Музы. – В этом доме купили квартиры многие их друзья – Алла Ларионова с Николаем Рыбниковым, Ляля Шагалова... Мой отец прислал им денег на третью комнату, чтобы они взяли с собой Лидию Ивановну, Музину мать. Я помню, что Муза рассказывала мне, как они ездили с Жоржем на лошадях смотреть дом».

Добротный семиэтажный дом на улице Черняховского, у метро «Аэропорт». Домовую книгу украшали известные кинофамилии – Леонид Гайдай, Николай Гриценко, Георгий Юматов... Построен дом был ради актрисы Людмилы Васильевны Марченко, которая проживала здесь с 1963 года, с самого момента заселения. И выписана... в январе 1997-го по причине смерти. Говорят, мэтр советского кино – режиссер Иван Александрович Пырьев строил этот дом для нее... Не могу удержаться, чтобы не сказать здесь несколько слов об этой, на сегодняшний день – забытой актрисе: Пырьев увидел 19-летнюю Люду Марченко в фильме «Отчий дом». Она же сыграла у него Настеньку в «Белых ночах». В киноварианте модной в начале 60-х повести Василия Аксенова «Звездный билет» у главной героини была модная тогда прическа под Брижит Бардо и невыносимо осиная талия. Многие тогда окрестили Марченко девочкой-скрипкой, несостоявшейся Наташей Ростовской. Она бы ее непременно сыграла, если бы Пырьеву дали тогда постановку «Войны и мира», но жизнь распорядилась иначе...

Что касалось Музы... Теперь, в этой огромной трехкомнатной квартире ее творческая душа могла развернуться, как говорится, на полную катушку. Вместе с Аллой Ларионовой они носились по Москве в поисках приличной мебели и хрусталя. Муза, как Плюшкин, скупала все целыми комиссиями и тащила в свое новое жилье. Первой заказала огромную кожаную кровать, на которую бегала потом смотреть вся актерская братия.

А Жора, как всегда, жил своей интересной, насыщенной жизнью. Вокруг него было много друзей. Он легко сходилась с людьми. Иногда совместная работа на съемочной площадке становилась началом крепкой дружбы. С Владимиром Высоцким Юматов сблизился после фильма «Опасные гастроли», с Василием Лановым – после «Офицеров». Когда Марина Влади бывала в Москве, они с Высоцким обязательно приходили в гости к Музе и Жоре. И тогда это были анекдоты и песни до утра...

Надо сказать, что в этой семье было правило: Новый год встречать в Доме кино, среди коллег, а дни рождения дома, в кругу друзей. Гости любили бывать в их доме, особенно весело было в праздники. Муза, как настоящая светская дама, обожала устраивать вечеринки. Кроме фронтовых друзей Георгия Александровича, которые обычно справляли здесь ключевые праздники, на огонек заглядывали: однокурсницы Клара Лучко и Маргарита Жарова, режиссер Леонид Гайдай и Нина Гребешкова, писатель и сценарист Борис Васильев с супругой, брат Валерий с женой... Но самыми частыми гостями этого дома были Алла Ларионова и Николай Рыбников.

И все же, несмотря на внешнее благополучие, семейного тепла становилось меньше, чем застолий.

Сестра Татьяна жила напротив Аэровокзала, в пятнадцати минутах ходьбы от дома кинематографистов, поэтому часто общалась с братом и его женой. Частенько Муза звонила ей из командировок: «Таня, мы возвращаемся. Холодильник у нас пуст. Возьми каких-нибудь продуктов и приходи». Муж сестры Александр Ильич, как сталинский лауреат, получил трехкомнатную квартиру. Семья Юматовых нередко ходила к ним мыться, так как в их коммуналке не было ванной.

«Жора с Музой прожили вместе почти пятьдесят лет, – вспоминает Татьяна Конюхова, – то была удивительная пара. Жорик чуть-чуть не дожил до этой даты. Они так готовились к пятидесятилетию совместной жизни...»

Так случилось, что, в конце концов, и Музочка заболела той же болезнью, что и Жорик. Вот и выходило, что когда он завязывал, зашивался и брал себя в руки, она частенько провоцировала его на новый запой. И они, таким образом, шли к своей гибели...»

Возможно, и в этом одна из причин того, что со временем их совместное проживание стало почти номинальным – каждый обитал в своей комнате, так сказать, на личной территории. И хотя супруги не ссорились, вместе ели, гуляли, встречались с друзьями, ездили на съемки и вели совместное хозяйство, почти не разговаривали друг с другом. Между ними как бы пролегла непреодолимая пропасть. И никто не в силах уже был ее сократить...

Виктор Мережко: «Была некая ревность и некоторое отмежевание, хотя должен сказать, что Муза, когда Жоры не стало, мы с ней разговаривали и я ее как-то спросил: «Муза, ты ведь понимаешь, что Жора был на голову выше тебя, как кинозвезда, как актер вообще...» Она ответила: «Ты понимаешь, вначале я в это не верила, ведь он – самоучка. Но он был настолько силен эмоционально, настолько от него шла некая уверенность и энергия... Когда он стал сниматься в конце 50-х – начале 60-х годов, я поняла, что я стала женой Юматова...»

Господь бог им не дал детей. По какой причине я не хочу говорить... Кино – это съемки, озвучание, монтаж и снова съемки... Юматов был суперпопулярен, Крепкогорская была популярна. Все время знаете как – в будущем году рожу, в будущем... В итоге время летит... И уже поздно рожать детей...»

«Эта пара, честно говоря, вызывала удивление, – вспоминает друг семьи Юматовых Николай Ларин. – Я не знаю, как Жора мог с ней жить? По молодости Музка была, конечно, хорошенькой, но настолько набалованной мамой... Сколько бы я не бывал на днях рождения, всегда приходила готовить Галя, Музина подруга. Она очень нежно относилась к Жорику. Он был нормальным в общении и в быту, покладистым человеком.

Последние годы Муза стала очень капризной – все не так, все не этак... А сама толком ни сготовить, ни прибраться, ни в магазин сходить не могла. Единственно, что покупала, – тряпки. Их у нее было море, большинство из них давно вышли из моды. И все равно она очень гордилась таким количеством нарядов, пока я ей на это не возразил: «Музик, твои наряды давно уже пора передать бедным людям». – «Ты что, с ума сошел!»

Ей было нужно все. Такой завал был, просто ужас – она любила одеться. И, в общем-то, делала это неплохо. Но в одежде не хватало вкуса, какой-то изюминки. Если вспоминать

звезд старшего поколения, лучше Любви Орловой и Тамары Макаровой никто не одевался. Из среднего поколения фаворитом была Элина Быстрицкая, благодаря, конечно, стараниям своего мужа, торгового посланника. У нее были такие возможности – муж Коля обладал хорошим вкусом и привозил ей отменные шмотки, одевая ее как голливудскую звезду. Примадоннами хорошего вкуса также были Ирочка Скобцева и Аллочка Ларионова.

Жила семья в основном на Жорины деньги. Муза была хозяйкой так себе, сколько раз занимала деньги у меня. Мне не сложно – приеду, привезу ей. Ее брат Валера им очень помогал. Муза мне сама не раз признавалась: «Валера и одевает нас, и помогает материально».

Тренинги начались после смерти мамы. Я думаю, что Муза тоже была в том виновна, ведь то место на Ваганьковском кладбище «выбил» все тот же Валера. И мне об этом говорила сама Муза: «Так трудно было добыть это место, его нам устроил Валерка. Если бы не он, не знаю, что бы мы делали».

Когда Жора умер, брат ее спросил: «Муза, где ты будешь его хоронить?» – «Как где? С мамой». А Валерка сам уже себя не очень хорошо чувствовал... – «Ты что, Муз, с ума сошла? Я это место пробивал, ты сейчас туда похоронишь Жору... А куда, если что, – меня?» И Муза ему ответила: «Ну и что... Места, что ли, нет на кладбище?» Вот в чем была причина скандала. Жена Валеры тоже была возмущена таким решением, так как прекрасно понимала, что похоронить человека на Ваганьковском кладбище не так просто. Вот с этого у них все и началось...

У нас с Музой тоже был разговор. Я ей сказал: «Муз, ты меня, конечно, извини, но Валера где-то прав, и место это выбил он». – «Ну что, я теперь буду бегать, чтобы его похоронить?» – «Ну ты бы тоже могла к этому кого-то подключить, ту же Гильдию киноактеров, Дом кино и того же Михалкова. Все-таки Жора такой популярный артист, тем более, после «Офицеров» все его так любят». Я тоже считаю, что в тот момент она к Валерке отнеслась не очень порядочно. Действительно, если разобраться: кто Жора был ее маме – чужой человек, а его положили вместе с ней, а сына неизвестно куда... За это семья брата на Музу и обиделась.

Еще у Музы была привычка все прятать, у нее все время что-то «пропадало». Сказывался, видимо, возраст – она просто забывала место, куда перед этим что-то положила. Однажды она мне звонит: «Коля, не знаю, что делать, у меня пропали деньги...» – «Да, что ты, Музик, этого не может быть. А кто у тебя был?» А у нее приятельница была, Наташа, с которой они дружили много лет. «Вот Наташа, – говорит, – была, Тамара с Борисом (тоже ее друзья)...» Звоню Наташе: «Слушай, там у Музы что-то опять пропало. Поедем – поищем. Может, что-то найдем...» Мы поехали. И нашли деньги.

Когда Жора умер, «командовал парадом» Мережко. Он очень помогал Музе с Жорой. В основном работал-то Жора, а у Музы кроме фильма «Чемпион мира», в котором она выступила в паре с Чередниченко, первой женой Переверзева, ничего достойного и не было. В том фильме было три героини: главная – Чередниченко, Клава Хабарова и Муза.

Никогда ничего не слышал про родственников Жоры, а ведь я частенько бывал на праздниках в этом доме. Единственно, кто приходил к нему, так это его фронтовые друзья. И потом он очень дружил с писателем Борисом Васильевым и его прелестной женой. Интересно, что Мережко я там никогда не встречал. Компания была неизменная. Еще у Музы была совершенно потрясающая подруга, царствие ей небесное, как сестра – Галя Громова. Именно она и обнаружила ее мертвой. Как-то мне говорит: «Звоню, звоню, а Музка не откликается... Два дня никто не подходит к телефону». Я ей: «Срочно звони Виктору, у него ключи...» Она его и вызвала. Муза уже лежала мертвая.

Если бы Жора, конечно, не пил, на сегодняшний день он был бы актером номер один. Даже если взять только один фильм «Белое солнце пустыни», то участие в нем Юматова дорогого бы стоило. А он запил...»

В конце 80-х наступила черная пора не только в жизни Юматова и Крепкогорской. Тогда львиную долю труппы попросили уйти из родного театра. Любимые народом артисты выживали, как могли: Геннадий Корольков, презираемый коллегами, подавал пальто в родном театре, Владимир Ивашов трудился на стройке разнорабочим... Нашей паре пришлось коротать дни на пенсию по военной инвалидности, которую Юматов получил вследствие нескольких лет затяжной переписки с ленинградским военным архивом, и президентскую премию – ее ему дали, узнав о бедственном положении актера.

Пункты родословной

Поиски родословной актера неожиданно столкнули меня с множеством трудностей. Оказалось, что о звезде советского экрана Георгии Юматове почти ничего не известно и найти хоть какие-то документы о его детстве, образовании (пусть даже и школьном, ведь институтов он не кончал), о составе семьи: кто были его отец и мать, были ли у него сестры-братья... непросто. Детей у Георгия Александровича и Музы Викторовны, как известно, не было, а распространяться на тему родственников актер не любил.

С Музой Крепкогорской оказалось проще – она успела немного поведать о себе. В архивах Гильдии актеров Союза кинематографистов России, где состояли супруги, хранится заполненный рукой Юматова личный листок. Не успела я обрадоваться находке, как обнаружила, что никаких действительно личных сведений в нем тоже не было. И на «Мосфильме», и в Театре киноактера меня также ждало разочарование. Никто из друзей и коллег, снимавшихся когда-то с актером, не в силах был прояснить что-либо о его родословной. Да и Виктор Иванович Мережко, у которого хранится весь семейный и актерский архив Юматова и Крепкогорской, как в воду канул – его городской телефон по неизвестным причинам уже несколько месяцев молчал.

Казалось, что проще – найти родственников знаменитого артиста. Однако даже в Гильдии актеров о них никто ничего не знал. Юматов оказался столь закрытым человеком, что ни журналистам, ни друзьям никогда ничего о «докиношном» периоде своей жизни не рассказывал, разве что немного о войне. Если родня у актера и осталась, то скромность этих людей вызывала во мне восхищение, но не могла помочь в работе. Более чем за полгода кропотливой исследовательской работы ничего существенного о биографии актера я так и не узнала, кроме главного – воевал, снимался... Что еще раз утвердило во мне: даже после смерти Юматов явно не желал уступать своему правилу и выставлять на всеобщее обозрение подробности своей частной жизни.

Перелом в работе произошел неожиданно. Помощь пришла «откуда не ждали», стоило лишь мне побывать на могиле Георгия Юматова и Музы Крепкогорской на Ваганьковском кладбище. Буквально через неделю все завертелось, причем, как бы само собой...

Неожиданно удалось буквально «за хвост» поймать архив, сначала затерявшийся в дебрях «Мосфильма», а вскоре благополучно «нашедшийся» в РГАЛИ (Российском государственном архиве литературы и искусства). Причем обнаружили сразу два тома «Личного дела» Юматова и том «Дела» Музы Крепкогорской!

А накануне похода в архив со мной произошло еще одно интересное и необъяснимое событие, в корне перевернувшее ход дел. Мне приснились Георгий Александрович и Муза Викторовна! Они были молоды, полны сил и пребывали в весьма радужном настроении. И помогали мне в поисках, вместе бегая по длинным коридорам какого-то учреждения, собирая и подписывая какие-то документы. Причем, Муза Викторовна нас все время подгоняла, волнуясь, что мы можем не успеть... После этого стало ясно – герои книги решили мне помочь. «Значит, все теперь пойдет по-другому», – подумала я и не ошиблась.

Действительно, как по мановению волшебной палочки, вслед за этим «нашелся» и Виктор Иванович Мережко. Оказывается, весь прошедший год сценарист работал в Санкт-Петербурге над новым фильмом. Удалось, наконец, отыскать и племянников Георгия Юматова. Только помнивших «дядю Жору» оказалось шесть человек! И пусть не всеми воспоминаниями пришлось воспользоваться, я благодарна всем им за помощь. Неоценимую поддержку в изучении истории семьи оказали мне дети старшего брата Юматова – Лидия Константиновна и Алексей Константинович.

Георгий Александрович действительно был коренным москвичом. Родился он в районе Чистых прудов, на улице Чаплыгина, 8, в квартире 5. Будущий актер – младший, третий ребенок в семье. Его брат и сестра были намного старше его. Константин, 1910 года рождения, – на 16 лет, сестра Татьяна, 1912 года рождения, – на 14. Георгий, как мы помним, родился в 1926 году.

...Юматов, Юмашев... Возможно, эти фамилии происходят от названия пятницы – праздничного дня мусульман. Их основа, по-видимому, связана с диалектным словом «юмаш» – «мучная похлебка». Также Юмаш – мужское тюркское имя, бытовавшее и среди русских. На русском Севере «юмашем» называли медлительного, малоразговорчивого ребенка. Не стала ли в таком случае фамилия определяющей чертой сложного характера Георгия Юматова? Правда, здесь стоит учитывать и полную невзгод судьбу актера.

Интересно, что из представителей фамилий Юматовых-Юмашевых море влекло не одного актера. Оно стало делом всей жизни Ивана Степановича Юмашева (1895-1972) – морского адмирала, Героя Советского Союза, в 1939-1947 годы командовавшего Тихоокеанским флотом, а позднее, главнокомандующего ВМС и начальника Военно-морской академии. Юматов Василий Степанович – историк-краевед, живший в XIX веке, уроженец деревни Юматово Уфимской губернии, ныне Чишминского района Республики Башкортостан, тоже служил на флоте.

Сама фамилия Юматов, скорее всего, имеет башкирские корни. Возможно, и предки Георгия Александровича были из Башкирии. За пределами республики представителей этой фамилии можно встретить в Челябинской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Тюменской, Курганской и Самарской областях, а также в Татарстане, Казахстане, Средней Азии и в Украине.

Удалось найти следы и дворянского рода Юматовых, восходящего к концу XVI века, родоначальником которого считается Степан Федосеевич Юматов, записанный в VI части родословных книг Оренбургской и Пензенской губернии. Встречаются в разных источниках и несколько других дворянских родов Юматовых более позднего происхождения.

Попадается эта фамилия и в русской литературе. Так, в последнем, итоговом романе русского писателя Вячеслава Шишкова «Емельян Пугачев» фигурирует персонаж – прапорщик Юматов, ставший пугачевским полковником и воеводой Петровска.

Вот что думает по поводу своей фамилии Алексей Константинович Юматов, сын старшего брата Георгия Александровича – Константина, бережно относящийся к родословной своей семьи, хранящий и изучающий доставшиеся ему в наследство документы: «Происхождение нашей фамилии, я узнавал, сродни таким фамилиям, как Ахматовы, Юсуповы... Это старинная фамилия. Думаю, скорее всего, то были татары: казанские, касимовские или болгарские – мусульмане, принявшие православие. Но если Ахматовы, Юсуповы были ханского рода, то и дворян их получала фамилии своих господ. Вот и Юматовы, как мне кажется, принадлежат к таковым. наших однофамильцев много, я встречал их не раз, но в «родственники» никто со стороны пока не лез. Помню, как-то мы с отцом были на охоте в Башкирии. Идем мимо картофельных делянок. И вдруг табличка: «Юматов». Говорю отцу: «Посмотри, наша картошка!»

Знаю, что в Башкирии, недалеко от Уфы есть кумысолечебный курорт Юматово. Я там как-то отдыхал и узнал, что название это пошло от фамилии князя Юматова, проживавшего в этих краях...»

В семье Юматовых не одно поколение существовала традиция называть старшего сына именем деда. Так, дед Георгия Юматова был Константином Александровичем, отец Александром Константиновичем, старший брат вновь Константином... Однако наступили другие времена, ломающие старые традиции. И вот уже брат Георгия Александровича назвал своего сына не Александром, а по настоянию жены, – Алексеем, в честь писателя Алексея

Константиновича Толстого, автора «Князя Серебряного». А у младшего сына Георгия, как мы знаем, детей не было. Он был назван в честь другого деда, уже по материнской линии. Маму его величали Татьяной Георгиевной, а его сестра, в свою очередь, носила ее имя...

В семье до сих пор на стене висит портрет, на котором изображена потрясающей красоты стройная девушка в подвенечном платье времен начала прошлого века. Это мама актера – Татьяна Георгиевна. Очень жаль, но у картины имеется существенный изъян – поврежден глаз. В семье бытует легенда, объясняющая сей грустный факт. Говорят, что автор портрета – несостоявшийся жених Татьяны Георгиевны, обуреваемый то ли муками творчества, то ли ревностью, скребнул в сердцах по верхнему слою еще не засохшей краски...

Надо сказать, что с женихом-художником произошла весьма занятная история, положившая конец всем его дальнейшим отношениям с невестой. Племянник Георгия Александровича протянул мне две фотографии. На одной из них был запечатлен привлекательный молодой человек в военной или даже скорее ремесленной форме и фуражке, на другой – он же в штатском. «Я был очень шустрым мальчиком. Мы тогда еще жили в коммуналке, в той самой квартире, которую бабушка когда-то снимала и где родился дядя Жора. Там висел и бабушкин портрет, – стал рассказывать Алексей Константинович. – Как-то, играя, я вытащил из-под него эти фотографии. Они меня очень заинтересовали, и я отправился к бабушке за разъяснениями. От нее я и узнал, что на карточках изображен ее первый жених. (Да, интересно... женщина, вышедшая замуж за другого и родившая ему троих детей, всю жизнь хранила образ первой любви. – Н.Т.)

Я уточнил: «Дедушка, что ли?» Сам я его никогда не видел, он умер в 47-м году, за два года до моего рождения. «Нет, – услышал я в ответ, – не дедушка». И бабушка рассказала такую историю. 8 марта. Только-только в моду вошел этот женский праздник, и его стали отмечать повсеместно – эмансипация. Жених сфотографировался (оба снимка датированы этим днем) и решил сделать любимой презент – свою фотографию. Вручил. Она смотрит, а там на другой стороне надпись: «Миленькой и хорошенькой дорогой Марусеньке от давнего друга и т.д.» Она спрашивает: «Дорогой мой, а что это за Марусенька такая?» Он стушевался: «Ой! Я спутал...» И протягивает ей другую: «Дорогой Таточке...» (она же была Татьяной). Он просто перепутал! Все, свадьба расстроилась...

Да, то была судьба! Если бы не эта «мелочь» – ни Георгия Александровича, ни моего отца... да и меня тоже не было бы сейчас на свете. А так... бабушка вышла за дедушку, с которым они уже через полгода, в июле того же, 1909 года и обвенчались. А от того парня остались на память лишь портрет его работы да вот эти две фотокарточки...»

Познакомились молодожены в Москве. На момент свадьбы невесте было 23 года, жениху – 25. Родом Танечка была из Симферополя. Других сведений о родне невесты не сохранилось. Известно лишь, что в семье, из которой она вышла, было двенадцать душ детей. Татьяна была средней. По жизни она поддерживала отношения лишь с самым младшим братом – Колей, который не раз бывал в Москве и состоял с сестрой в теплой родственной переписке. Остальная родня бабушки ее детям и внукам неизвестна.

В семье бережно хранится документ – свидетельство о рождении Александра Константиновича, отца Георгия Александровича, выданное в 1893 году, хотя сам он родился в 1884-м. Это же свидетельство стало и документом о браке – с другой стороны имеется соответствующая запись и печать. Приведу его полностью.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО

По указу Его Императорского Величества, выдано сие свидетельство Ярославской Духовной Консистории Помощнику Пристава г. Рыбинска Константину Степановичу Юматову, согласно его прошению, в том, что в метрических книгах церкви села Городка, Рыбинского уезда у записного старшего писаря 99-го Ивановгородского полка Константина

Степанова Юматова и законной его жены Анны Александровой, оба православного вероисповедания, младенец Александр записан рожденным одиннадцатого, крещеным двадцатого ноября тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года; восприемниками были: Коллежский Регистратор Иван Александров Флоров и обер-офицерская дочь Елисавета Александрова Флорова. Гербовый сбор оплачен

Член Консistorии священник дмитрий Крастрин

Секретарь...

Октября «30» дня 1893 года.

№ 7910».

Здесь же, на другой стороне и свидетельство о браке родителей актера:

«Означенный в сем свидетельстве Александр Константинович Юматов 1909 года июля 24 дня повенчан первым браком с Симферопольскою мещанкою девицею Татьяною Георгиевною Шалимовою, 23 лет, Православного вероисповедания. Что удостоверяю с приложением церковной печати, Московской Воскресенской, в Таганке, церкви.

Протоирей Николай Красновский».

Молодые тогда жили неподалеку на Таганке. К сожалению, до наших дней уникальная по своей архитектуре церковь Воскресения Словущего не сохранилась. Она была разрушена в советское время. Стояла она на Таганской площади на месте нынешнего торгового центра «Таганка», рядом с выходом из станции метро «Марксистская».

Церковь Воскресения Словущего была возведена Дмитрием Старцевым и перестроена Матвеем Казаковым. Возвели ее по случаю избавления Москвы от страшной чумы, а поводом для сноса в 1930 – 1931 годах стала мнимая необходимость построить непременно на этом месте автоматическую телефонную станцию. Здесь же находилось и захоронение знаменитого московского зодчего Осипа Старцева.

Удалось найти документ о настоятеле церкви Николае Красновском, венчавшем родителей Юматова. В нем сказано, что 8 сентября 1907 года, в день Рождества Пресвятой Богородицы, «Высокопреосвященнейший Владимир, Митрополит Московский и Коломенский, совершил литургию и молебен в Воскресенской, в Таганке, церкви, при огромном стечении молящихся. В этот день прихожане означенного храма чествовали настоятеля церкви, о. Н. Красновского, по случаю исполнившегося двадцатилетия служения его в этом храме».

Сегодня, в эпоху возрождения Русской Православной Церкви, появился и проект о воссоздании этой церкви заново.

Надо сказать, что сама Таганская площадь, названная так по стоявшим здесь с конца XVI века Таганским воротам Земляного вала, всегда была старым ремесленным и торговым районом Москвы. Здесь находилась дворцовая Таганная слобода, где изготовлялась металлическая посуда и «таганы» – треножники для походной кухни. В центре слободы находилась церковь Николая Чудотворца на Болвановке.

Таганская площадь неоднократно перестраивалась и реконструировалась. В конце XVI века здесь построили Таганские ворота, которые прорезали Земляной вал. За ним от Таганских ворот веером расходились дороги к ближним монастырям и городам, расположенным к востоку, юго-востоку и югу от столицы – Владимиру, Нижнему Новгороду, Рязани, Коломне и др. После пожара 1812 года площадь было не узнать, она стала застраиваться каменными лавками. В 1813 году архитектор О.И. Бове возвел здесь торговые ряды, снесенные в 70-е годы прошлого века. В 1960-х годах под Таганской площадью был проложен тоннель. Сегодня это место превратилась в крупную транспортную развязку...

А тем временем в семье Юматовых, на следующий год после венчания, родился старший сын Костя. Малыша решено было отправить на время к родителям мужа в село Варнавино, уездный центр Нижегородской губернии. Потом, уже при Советской власти, в 40 км выше села был построен город Ветлуга, и район стал называться Ветлужским.

Когда Татьяна забеременела второй раз, то рожать поехала в то же Варнавино, но после рождения дочки вынуждена была вернуться в Москву. Дети же пока остались там. Про бабушку Анну Александровну Юматову и дедушку Константина Степановича в семье не сохранилось никаких сведений. Известно только, что до войны бабушка еще была жива, а дедушка умер еще в 24-м году...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.